

18+

Владимир Маталасов

**С миру
по нитке**

**Сборник
рассказов**



Владимир Маталасов

С МИРУ ПО НИТКЕ.
Сборник рассказов

«Издательские решения»

Маталасов В. А.

С МИРУ ПО НИТКЕ. Сборник рассказов / В. А. Маталасов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743100-6

Наша жизнь во всех её проявлениях с налётом грусти, юмора, иронии и фантазии. При написании книги автор исходил из того положения, что успех любого вашего художественного произведения всегда будет находиться в прямой зависимости от того, насколько тщательно вы сумеете подготовиться к этому успеху.

ISBN 978-5-44-743100-6

© Маталасов В. А.
© Издательские решения

Содержание

С миру по нитке	6
Мистика, да и только!..	6
Дачники	25
Перевоплощение	29
Один день из жизни рядового пенсионера	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

С МИРУ ПО НИТКЕ

Сборник рассказов

Владимир Анатольевич Маталасов

© Владимир Анатольевич Маталасов, 2020

ISBN 978-5-4474-3100-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С миру по нитке Сборник рассказов

*Вся наша жизнь – цирк «шапито»!
Вот кто-то ходит по канату,
В клеть с тигром смело входит, но
Рискует всем... согласно штату.
А вон трапеция парит
В объёмах цепких акробата.
Неверный хват, и он – летит
В тьму неизвестности куда-то.
А сколько клоунов... Не счесть!
Паяц паяцем погоняет...
Всех нас – кто будет, был и есть, —
Что завтра ждёт? Никто не знает.
(Автор)*

Мистика, да и только!..

*Каждый из нас, без большого сомнения,
Жалкий субъект своего потрясения.
(Автор)*

1.

В июне месяце текущего года Варфоломей Аборигенович Всевидящий был наглым образом похищен представителями внеземной цивилизации. Произошло это среди бела дня, у всех на виду. Событие, длившееся каких-нибудь минут пять, приняло широкую общественную огласку и имело большой международный резонанс.

По словам очевидцев и самого потерпевшего всё происходило следующим образом. Варфоломей – скромный рядовой служащий одного из госучреждений в тот день, как всегда находился на своём рабочем месте, за столом возле настёж распахнутого окна. Он производил несложные, элементарные расчёты, касающиеся вопросов сбора кедровых шишек в условиях непроходимой тайги на пологих берегах Енисея. И в тот самый момент, когда он брал очередной интеграл от «минус» до «плюс» бесконечности, город погрузился в кромешную тьму. Его будто кто-то накрыл чёрным покрывалом, заслонившим собой солнце и небо. То тут, то там засверкали молнии, сопровождавшиеся громовыми раскатами.

Вдруг в рабочее место, на котором располагался Варфоломей Аборигенович, откуда-то с небесной высоты, ударил мощный, яркий сноп света. И тут все с превеликим ужасом увидели, как в окно просунулось какое-то мерзкое, хоботообразное щупальце. Оно несколько раз обвилось вокруг тела несчастного и тут же исчезло вместе с ним в неизвестном направлении.

Женская половина сотрудников вмиг попадала в обморок, а мужская – остолбенела. Минуты через три люди потихоньку стали приходить в себя. Так как темень продолжалась, кто-то догадался включить свет. Все находились на своих рабочих местах за исключением Варфоломея Аборигеновича. В глазах присутствующих застыл большой знак вопроса. А спустя ещё какой-то короткий промежуток времени, всё повторилось заново, но в обратном порядке. Засверкали молнии, раздались раскаты грома и в окне показалась фигура похищенного, обвиняемая щупальцем.

Несчастный был вновь водворён на своё законное место. От этого женщины в очередной раз впали в обморочное состояние, а мужчин хватил столбняк. Объект нападения тут же исчез. Исчезла с неба и чёрная завеса. Вновь ярко засветило солнце. Защебетали птицы и зашумела листва. Воздух наполнился звуками работающей оргтехники. Жизнь продолжалась, войдя в обычное рабочее русло.

Освободившись от пут оцепенения, служащие со всех сторон обступили жертву чрезвычайного происшествия. «Где был? Что видел?», – сыпались вопросы. Но так как Варфоломей где-то был, но ничего не видел и не слышал, то и ответить что-либо вразумительного был не в состоянии. С его разрешения были произведены медицинское и психологическое освидетельствования. Однако никаких существенных отклонений ни в психике, ни в физиолого-анатомических показателях «пострадавшего» обнаружено не было.

Со всех уголков земного шара понаприехали разного рода уфологи, прорицатели, вещатели, колдуны и ведьмы, магистры оккультных наук и прочая околонаучная братия, журналисты, писатели. Но – увы: сведения о происшествии со стороны потерпевшего были до такой степени скудными, что интерес мировой общественности к состоявшемуся событию постепенно остыл, и через месяц-два о нём и вовсе забыли.

Но ещё не успело пройти и полгода, как в городе стали происходить странные вещи. Поползли невероятные слухи, что то тут, то там, в разных частях города, видели живых Иосифа Виссарионовича Джугашвили и Адольфа Шикльгрубера. Будто бы они степенно прогуливались в разное время суток и мирно о чём-то беседовали. Все попытки завязать с ними знакомство или беседу заканчивались неудачей. Одному очень настойчивому товарищу, пожелавшему во что бы то ни стало выяснить у двух знаменитых личностей суть дела, Иосиф Виссарионович в сердцах ткнул мундштуком курительной трубки прямо в глаз, оставив того без оного.

2.

Однако, вернёмся во времени несколько назад, до появления слухов о двух одиозных фигурах.

Варфоломей Аборигенович Всевидящий являл собой тип молодого раскрепощённого человека лет тридцати пяти-тридцати восьми, холостого. Привлекательной наружности, с изысканными манерами аристократа и утончённой натурой, он был принимаем во всех слоях общества, начиная от низшего и кончая высшим. Только к внешнему лоску он был равнодушен. Одевался как попало и во что попало, плохо следил за своей внешностью. А, в общем-то, это была весьма противоречивая, но добрейшая и доброжелательная личность.

Жил он бобылём в двухкомнатной квартире с видом на великую русскую реку. И вот, как-то раз, в один из воскресных дней, Варфоломей, от нечего делать, валялся на диване. Он мысленно перебирал в памяти события и лица давно минувших дней до тех пор, пока не задремал. И привиделся ему необычный сон. Будто подхватила его неведомая сила и перенесла в стены какого-то странного, ярко освещённого помещения. Утыкано оно было всевозможными приборами, тихо зуммерившими и издававшими равномерный, убаюкивающий гул. Тело его утопало в мягчайшей массе сверх эластичного вещества. Над ним неподвижно завис удивительных форм и очертаний живой объект, постоянно их менявший.

– Уважаемый Варфоломей Аборигенович Всевидящий! – зазвучало в ушах пленника, хотя он и не слышал никаких звуков, исходивших из уст захватчика. Видимо голосовая связь осуществлялась на уровне мысленной информации. – С целью проведения межпланетарного эксперимента с этого момента вы наделяетесь уникальной способностью вызывания духов усопших и здравствующих людей с последующей их материализацией. Сначала производите отмашку левой рукой «справа налево», например, с такими словами: «Дух Наполеона Бонапарта, явись!». Осуществляете одинарный прихлоп ладонями рук. Ждёте его появления. Как

только это произойдёт, производите отмашку правой рукой «слева направо» со словами: «Дух Наполеона Бонапарта, материализуйся!» с последующим прихлопом. Каждый призыв в своём конце допускается дополнять словами любезности или неприязни. Материализация духа осуществляется в кратчайший промежуток времени, исчисляющийся долями секунды. Вызывание духа и его материализация сопровождаются громом и молнией сугубо локального характера. Сколь долго вы будете являться обладателем свыше дарованной вам способности, покажет время. А пока будьте здоровы!

С этими словами тело полонённого многократно обвилось чем-то гибким, холодным, слизистым, сдавило его. Стало трудно дышать, и... Варфоломей проснулся весь в холодном поту и с мелкой дрожью во всём теле. Он ещё долго лежал, не смыкая век и уставившись в одну точку. Видение было до такой степени ярким, образным, красочным, что казалось, будто всё происходило наяву. Варфоломей перебрал в уме все его мельчайшие подробности и проанализировал ход привидевшихся событий. Он сделал неожиданное и смелое для себя умозаключение: приснившееся – это закодированная в подсознании реальность. А явилась она отражением необычного происшествия, приключившегося с ним полгода назад. Озарившая Варфоломея догадка, заставила приподняться его с дивана и сделать глаза квадратными.

– А что? Чем чёрт не шутит? – вихрем пронеслось в голове. – Надо бы попробовать. Вот только с кого начать?

Немного поразмыслив и приняв какое-то только ему одному известное решение, Варфоломей Аборигенович встал с дивана. В глубочайшем раздумье прошёлся несколько раз вокруг стола и проследовал в дальний угол комнаты.

– Была ни была! – решительно заявил он в пространство, заняв выгодную позицию и воспроизведя отмашку левой рукой с последующим прихлопом. – Дух Владимира Ильича Ульянова, явись!

Под самым потолком противоположного угла бесшумно засверкало множество миниатюрных молний. В их сплетении возникло нечто эфирное, невесомое, но имеющее внешние, хотя и не очень-то ясные, очертания. В следующее мгновение, как это и полагалось, Варфоломей воспроизвёл отмашку правой рукой. Хлопнув в ладоши, он воскликнул:

– Дух Владимира Ильича Ульянова, материализуйся!

Под сводами комнаты разнеслись приглушённые звуки грома. «Нечто» мелко задрожало, опустилось ближе к поверхности пола и тут же материализовалось, воплотившись в образ Владимира Ильича Ульянова.

– А вот и я! – притопнув левой ногой, прихлопнув ладонями и разведя руки в разные стороны, радостно сообщил вождь пролетарской революции и хитро подмигнул. – Здравствуйте! Как у нас, батенька, обстоят дела с призраком коммунизма, а? Бродит ли он до сих пор по Европе или же сиганул далеко за пределы европейского континента?

– Приказал долго жить, дорогой вы наш и вечно живой Владимир Ильич! – выпалил с испуга Варфоломей первое, что пришло в голову.

– Что вы такое говорите? – возмутился товарищ Ленин. – Послушайте, голубчик! Как у вас обстоят дела с коробкой передач? Всё ли в порядке?

– У меня нет автомобиля, – разгубленно отозвался хозяин квартиры.

– Я не о том, я вот о чём! – раздосадованно постучал вождь себя пальцем по лбу. – Зимний, телеграф и почта, надеюсь, до сих пор в наших руках?

– В наших, – поддакнул Варфоломей, решившись принять игру.

– В таком случае соедините-ка меня, батенька, со Смольным. Пусть распорядятся подать броневичок к подъезду. – Картавил Владимир Ильич безбожно. Особенно это касалось буквы «р», что характерно для ротацизма. – Хочу на третьей скорости ворваться в революцию. Необходимо срочно смести с лица земли всех этих провокаторов «гапонов» и политических проституток. Ни капли послабления и потворства даже в малом. Они деморализуют массы, при-

тупляют чувства справедливости и достоинства. А это, батенька вы мой, уже чистейшей воды оппортунизм с правоцентристским уклоном. Впрочем, отыщите-ка мне заодно и человека с ружьём... А Николашку, к чёртовой бабушке! К стенке его, к стенке, сукиного сына! Однозначно и бесповоротно! Всё, что касается буржуазии и разной там контры, то, как сказал я в одном из своих поэтических сборников, «ноги ударом метким в жопу отправим недругов в Европу»... Крутится, вертится шар голубой, – вдруг негромко затянул себе под нос неугомонный Владимир Ильич. – Впрочем, почему «голубой», а, например, не «красный»? Хотя, по правде говоря, по большому счёту, оба эти цвета мне как-то не импонируют, не мобилизуют, однако вселяют некоторую надежду. Кстати, дружок. Если вас не затруднит, то отыщите-ка мне мою Наденьку, а то у меня сильно упал КПД, по причине чего я временно не способен на происки интимного характера.

С этими словами Владимир Ильич плюхнулся на турецкий диван и изобразил на лице приятную улыбку с шаловливым прищуром.

– Бедная, несчастная моя Наденька! ПолЕвропы пропахала, бедолажная, в поисках оленьих рогов, которыми увешена вся наша нелегальная квартира. Я обожаю олени рога!

– Рога мужчину украшают, – польстил Варфоломей.

– Эх, сейчас бы ружьишко, пусть даже плохонькое, в руки, да этак по лесочку побродить, на дичь полюбоваться издали. Или, ещё лучше. С бредешком, да по озерцу, рыбки половить, ушицы наварить, как когда-то в Разливе, будучи пленником шалаша. Ну да ладно. Всё это в прошлом. А теперь, батенька, не дербалызнуть ли нам с вами по алюминиевой кружечке чайку? Как вы на это смотрите?

– На это я смотрю положительно, товарищ Ульянов, Владимир Ильич, – ответил Варфоломей. – Да вот беда: заварка вся кончилась и самого чаю в доме хоть шаром покати.

– Вот и прекрасно, батенька, вот и прекрасно. У меня появился лишний повод окунуться в самую гущу народных масс, ну и заодно чайку купить.

– Что вы, Владимир Ильич! Вам на улицу выходить нельзя ни в коем случае, – отозвался Варфоломей, натянув на лицо маску испуга и недоумения. Чего доброго наведёт шороху в округе, оправдывайся потом. – Там шпик на шпике сидит, ищейка на ищейке; повсюду жандармы и полиция рыщут, всё вас ищут, никак поймать не могут. Грозятся к стенке вас поставить.

– В таком случае я никуда не иду. Вот им! – и Владимир Ильич показал кукиш. – Идите сами, а я, так уж и быть, подожду.

Когда Варфоломей Аборигенович воротился из магазина с покупкой, то застал товарища Ленина погружённым в глубочайшее раздумье. Тот сидел, откинувшись на спинку вестфальского кресла, подперев пальцами огромный лоб, и бесшумно шевелил губами, уставившись в одну точку. Перед ним лежала высокая стопка газет и журналов, которые он, вероятно уже успел прочитать.

– А скажите-ка вы мне, любезный, – начал он, оторвавшись от огромной массы возникших вдруг вопросов и противоречивых мыслей.

Варфоломей Аборигенович понял, что Владимиру Ильичу всё известно. Это молодой человек прочёл прямым текстом в его глазах. Ильич только ищет подтверждения своим догадкам. Поэтому что-либо скрывать от проницательного ума вождя пролетарской революции было бы просто неуместно, да и глупо.

– Нынче календарь говорит нам о том, что на дворе стоит октябрь две тысячи седьмого года, – уже не прячась за выступления недомолвок и неправды, сообщил хозяин квартиры.

– Я так и знал! – в отчаянии хлопнул себя по ляжкам Владимир Ильич. – Ровно девяносто лет. Это вам не шухры-мухры! Тогда сколько же мне лет сейчас?

– Пятьдесят четыре, вечно вы наш живой и немеркнувший, – тут же последовал ответ.

– Но мне же столько лет было в тысяча девятьсот двадцать четвёртом году.

– Вам и сейчас столько же. Тогда вы почили, возлежав на смертном одре. А сейчас вы воскресли...

– То есть восстал из пепла, как Феникс, так надобно полагать?

– Именно так.

– Но позвольте! Что вы мне тут сказки рассказываете, мне, убеждённому, воинствующему атеисту? Это Христос воскрес...

– Во истину воскрес...

– Да я не о том, а совсем о другом. Как это можно взять, да и воскреснуть?!

– Очень даже просто. Современная наука и не до того дошла. Она людей в космос запускает.

– Как это запускает? Просто так берёт и запускает что ли?

– Не просто так, а с помощью ракет.

– Очень забавно, очень. То-то я думаю: механические экипажи какие-то странные внизу по дороге движутся. Аэропланы непонятные по небу шастают. Дома высокие, музыка откуда-то непонятная. Пароходы как кони насаются по речке туда-сюда. Да и солнце как будто бы больше в размерах стало. Чудеса-а! А в общем-то, ознакомился я тут по газетам и журналам с современной жизнью. Успел прочитать все ваши книги, что на полках стоят. Пришёл к единственно правильному выводу: пора уходить в подполье и всё начинать заново, по принципу «два шага вперёд, один шаг назад». На первых порах непременно воскресите-ка мне, батенька, «железного» Феликса. Мне ему необходимо сообщить, что мы пойдём другим путём. Это чрезвычайно архиважно! И ещё вот о чём хотелось бы мне спросить вас, батенька. Какое предназначение вот этой вот коробки с передним стёклышком?

– Это телевизор, – оживился Варфоломей и включил его.

На экране замелькало какое-то народное шествие, посвящённое какому-то знаменательному событию. Ильич, подбоченясь, долго смотрел на это зрелище, созерцал и вникал.

– Мо-ло-дцы! Ничего не скажешь! Сколько же у нас на Руси-матушке прекрасных народных умельцев? Ведь надо же, такую ораву людей впендючить в маленький ящик, да ещё и уменьшить их в размерах до такой степени! Это вам не блоху подковать. Прекрасно! На электричестве работает?

– Разумеется, товарищ Ленин.

– Что значит план ГОЭЛРО! А ну, загляну-ка я в ящик с обратной его стороны, – простонал Владимир Ильич и без разрешения хозяина смело запустил руку за заднюю стенку телевизора.

Яркая вспышка озарила комнату, и Ильича отбросило в сторону, только ноги его мелькнули над столом. Своими неадекватными, неумелыми действиями он способствовал возникновению ситуации короткого замыкания.

Первое, о чём он спросил, придя в себя и оправившись от испуга, было: «А фуражечку мою вы, случайно, не видели?»

– Нет! – признался Варфоломей, точно помня, что явление вождя происходило при отсутствии головного убора «а ля Ильич».

– А жаль кепчонку-то, ох как жаль! Мне её, помнится, Надежда Константиновна ко дню рождения в тысяча девятисотом году подарила. Я в ней речь на броневичке толкал, от шпиков скрывался и в революцию въезжал. Жаль! Куда она могла запропасться, ума не приложу! Ну, ничего, новая купится... Так как насчёт чайку, а, батенька? Дербалызнем?

– Непременно, товарищ Ленин, – успокоил Варфоломей. – Иду, приготовлю.

– Идите, идите, дружок, – поторопил Ильич. – А я, всё-таки, как попьём чайку, спущусь вниз и окунусь в народные массы. Попробую сориентироваться на местности и установить тесный контакт с населением.

– Всё хорошо прекрасная маркиза, – попробовал успокоить себя Варфоломей, возясь на кухне. – Всё хорошо, одно плохо: натворит он тут дел, потом доказывай свою непричастность. Пока рядом со мной нет Ильича, надо попробовать отправить его на законное место во вселенной.

– Дух, в образе Владимира Ильича Ульянова, сгинь! – негромко вымолвил Варфоломей, хлопнул в ладоши и развёл обе руки в разные стороны.

За стеной раздался возглас: «Вперёд, к победе коммунизма!», затем что-то ахнуло, ойкнуло и всё стихло.

– Наверное полнейший пролёт, – подумалось, и он быстренько проследовал в гостиную.

Минуту спустя Варфоломей облегчённо вздохнул, убедившись, что товарищ Ленин исчез.

– Слава тебе, Господи! – с чувством огромного удовлетворения произнёс он. – Пронесло. Баба с воза, кобыле легче. Но какие перспективы открывает перед человечеством открывшаяся возможность общения с историческими личностями! Но вот вопрос: к добру ли это, или же к несчастью?

Однако, в скором времени этот вопрос перестал его волновать. Процесс явления личности оказался обратимым, а плюсы от общения с великими людьми налицо. Пусть даже, как говорил товарищ Ленин, они вольются в самую гущу народа. Его представители примут их просто за талантливых актёров.

3.

Вот тогда-то в скором времени и был материализован дух Иосифа Виссарионовича Джугашвили. В костюме полувоенного образца цвета хаки, в начищенных до блеска хромовых сапогах, с неизменной, ещё дымящейся трубкой в руке он предстал перед Варфоломеем во всей своей красе. Важный, степенный, величавый. Он исподволь вращал зрачками добрых глаз, сканируя окружающую обстановку.

Не говоря ни слова, товарищ Джугашвили – он же по партийной кличке Коба, он же дядюшка Джо, он же товарищ Сталин, – степенно прошёлся по квартире, заглянул в ванную, а так же в туалетную комнату, в которой задержался минут на двадцать. Потом молча, из угла в угол, побродил по гостиной. Вышел на балкон, глянул вниз, затем – вверх. Окинул взглядом красоты городского пейзажа. Снова воротился в комнату, создав за собой турбулентную зону свежего, прохладного воздуха. Вынул платок, громко высморкался.

Иосиф Виссарионович ещё долго приглядывался и приценивался к окружающей обстановке. Был он при этом бессловесен, как карась в озере, полностью, и частично, игнорируя присутствие в комнате её хозяина.

Однако и Варфоломей не лыком был шит. Он сидел на диване и в пику товарищу Сталину изображал на своём лице полное равнодушие и отсутствие какого-либо интереса к столь значимой, одиозной личности. Подобный факт, видимо, в равной степени смущал и озадачивал «явленца». Это было заметно по слегка подёргивавшемуся веку левого глаза и кривой, со смыслом, усмешке.

Так продолжалось где-то около двух часов. Удостоверившись, что от хозяина вряд ли дождёшься хоть какого-нибудь мало-мальского внимания, товарищ Сталин остановился перед сидящим Варфоломеем. Он насупил брови, многозначительно кашлянул.

– А скажите-ка мне, товарищ, – с едва уловимой от возмущения дрожью в голосе молвил он. – Почему вы выказываете всем своим видом полное безразличие и пренебрежение к личности вождя всех народов, к его присутствию?

Говорил он не торопясь, с расстановкой и длинными паузами в нужных и не нужных местах, с откровенным грузинским акцентом. Рука его, державшая курительную трубку, пребывала в постоянном движении. Чтобы придать своим словам определённую значимость и вес,

Иосиф Виссарионович каждый раз стремился как бы утвердить свою мысль неторопливой жестикуляцией руки, державшей трубку, движением её «сверху-вниз» на чисто кавказский манер.

– Почему я стою перед вами, а вы сидите? – с плохо скрываемым раздражением в голосе молвил Иосиф Виссарионович и прищурил сначала левый глаз, потом правый, а затем уж и оба.

– Наверное вам так нравится, – ласково отозвался Варфоломей.

– Бланды лагерной захотелось? Знайте же: я страшен в своём гневе!

– Не так страшен чёрт, как его малюют, – дерзко отозвался Варфоломей.

– Вы, наверное, плохо себе представляете, товарищ.., – после затянувшейся паузы начал

Коба.

– ... Всевидящий, – последовала подсказка.

– ... товарищ Всевидящий, с кем имеете дело, иначе бы вы не вели себя столь неосмотрительно.

Зазвонил телефон. Варфоломей снял трубку. Звонил школьный товарищ, приглашал на свой день рождения, через неделю.

– Это хорошо, что у вас есть телефон, – похвалил товарищ Сталин, воспроизводя утвердительный жест рукой, – и я бы даже сказал, это очень даже не плохо. А соедините-ка меня, товарищ Всевидящий, с политбюро ЦК КПСС и прежде всего с товарищем Лаврентием Берия. Пусть разберётся тут с некоторыми, кто порочит гордое имя – Сталин.

– Как бы не так, Иосиф Виссарионович. Учтите, что на дворе стоит ноябрь месяц 2007 года, а не тридцать седьмой или пятьдесят третий годы.

– Вам, товарищ Всевидящий, необходимо лечиться, – посоветовал вождь всех народов. – Постараюсь посодействовать вам в этом, с помощью товарища Лаврентия.

– Согласен, но уже поздно, товарищ Сталин, – решил поиграться в поддавки Варфоломей. – Второй час ночи. Давайте завтра.

– Будь по вашему. Завтра, так завтра, но спать я буду сидя на стуле, – заявил Иосиф Виссарионович. – Проявление давней привычки старого большевика: всё время быть начеку.

– Ваше право: хоть стоя, хоть на голове.

– Я бы не советовал вам иронизировать, товарищ Всеведущий...

– ... Всевидящий, – поправил хозяин квартиры.

– Какая разница? Много шутников довелось мне повидать на этом свете. По разным причинам пришлось отправить их к праотцам. Пусть и там пошутят, повеселят публику.

– Спокойной ночи, мудрый вы наш, – вполне серьёзно высказался Варфоломей, – и приятных сновидений.

При включённом ночничке, не раздеваясь, он уместился на диване. Товарищ Сталин расположился в дальнем углу комнаты на стуле. Варфоломею не спалось. Он размышлял над тем, как отвлечь Иосифа Виссарионовича от навязчивых мыслей, направленных в русло возмездия своим же согражданам, и, в частности, против него самого. С этой целью он решил материализовать дух Адольфа Шикльгрубера, то есть – Гитлера.

Факт явления последнего не прошёл для товарища Сталина незамеченным. Он уже стоял на ногах в борцовской стойке «не подходи, хуже будет!», ещё не успев осознать что к чему. Варфоломей включил большой свет. Разделённые столом, напротив друг друга, маячили две фигуры представителей непримиримых классовых течений. Встречные взгляды, испепеляющие всё на своём пути, соприкоснувшись над столом, породили целый фейерверичный сноп искр, от которых огнём занялась скатерть стола. Каждый из трёх в отдельности, не сговариваясь, трижды плюнул на неё под прямым углом через левое плечо, чем и была предотвращена пожароопасная ситуация.

Встречный залповый огонь глазами длился минут десять. Исходя мелкой ненавистнической дрожью, оба вождя бешено вращали зрачками глаз, пытаясь, словно буравчиками, просверлить друг друга.

– Как этот козёл очутился здесь? – до крайности возмущённый обратился Иосиф Виссарионович невесть к кому. – Откуда он просочился?

– Сам козёл! – раздражённо отозвался Адольф, погрозил кулаком и показал язык.

– Ну что ж, господин хороший. Мы сейчас разберёмся, кто из нас козёл, а кто нет, – взяв себя в руки, рассудительно молвил товарищ Коба и сделал несколько шагов по периметру стола в сторону Адольфа.

Тот, не выдержав психологического натиска, сделал то же самое, стараясь избежать возмездия. Оба долго кружили вокруг стола. Адольф изо всех сил пытался соблюдать безопасную дистанцию, при этом движение его носило характер подтанцовки. Лицо товарища Сталина было полно решимости. То было не лицо, а откровение. Видимо, придя к выводу, что надо менять тактику, он решил пойти на военную хитрость, изменив направление своего движения на противоположное. Адольф Шикльгрубер быстро разгадал тактическую уловку соперника, взяв её на своё вооружение.

Иосиф Виссарионович долго гонялся за Адольфом, нет-нет, да и делая в его сторону внезапные, устрашающие выпады.

– Сквозь призму наших с вами взаимоотношений призываю, остановитесь! – отчаявшись нагнать своего визави, воскликнул товарищ Сталин. – Как вам не стыдно!

За всё время «догонялок» воздух в квартире до такой степени сгустился, что время от времени, с интервалом в три минуты, срабатывал сигнализатор газа, установленный на кухне.

– Иди ко мне, Адольф, не бойся, – стал призывать товарищ Коба. – Я тебя не трону. Нужен ты мне, как корове уздечка.

Однако, тот язвительно огрызнулся и стал дразниться всякими неприличными словами, последними из которых были: «Дай русский водка!»

– Ишь ты, тоже мне, – не растерялся товарищ Сталин. – Один такой Марчело Мастрояни нашёлся, так сказать – Петруччи от Веспуччи. На тебе пять суверенов, – и кинул в его сторону пять копеек.

Расчет был прост. Адольф попытается поднять их с пола. Он – Иосиф Виссарионович, мудрый стратег, воспользуется подобным обстоятельством и пленит недруга. Но и тот был не дурак. Не поддался на провокацию и показал товарищу Сталину два кукиша.

– Ну что ж! Раз гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе, – выдал Иосиф Виссарионович.

Он стал на стул, забрался на стол и растопырил руки, намереваясь навалиться на своего противника сверху. Стол не выдержал чрезмерной нагрузки, заходил ходуном, затрещал и вместе с вождём рухнул на пол. Улучив благоприятный момент, Адольф всем своим телом навалился на Иосифа Виссарионовича. Оседлал его и стал одаривать тумачами, приговаривая: «За Гимmlера! За Геббельса! За Геринга с Мюллером! За Бормана с Шелленбергом! За рейхс-канцелярию!...»

– Чур, лежачих не бить! – предложил товарищ Сталин, ловко увёртываясь от хищнических кулаков Адольфа.

В скором времени Иосифу Виссарионовичу всё-таки удалось переломить ход борьбы. Он умело, профессиональным движением сумел вывернуться из-под наседавшего и оказаться наверху. Целенаправленно и целеустремлённо работая кулаками, он приговаривал: «Вот тебе поросёнок свинячий, за Москву! За Сталинград! За Ленинград! За Штирлица! За радистку Кэт и пастора Шлага!...»

Со словами: «Гитлер капут!» Адольф сдался на милость победителя.

– Товарищ Всевидящий, – обратился тот к хозяину квартиры. – Отконвоируйте господина Гитлера в Ставку Верховного Главнокомандования.

– Ну, во-первых, у меня нет ружья для охраны и сопровождения столь общественно-опасной личности, – заявил Варфоломей. – А во-вторых, ещё ночь на дворе.

– Да-да, петухов что-то не слышать, – согласился Иосиф Виссарионович.

«Белое каление» осталось позади, боевой пыл успел поостыть, и оба вождя взяли себя в руки.

– Давайте-ка, уважаемые, покуда суть да дело, дербалызнем по сто для сугреву, – предложил Варфоломей.

– А что? Дело говорит, – поддержал Адольф, довольно потирая руки. – А шпек, яйца, млеко найдётся?

– Извините! Чего нет, того нет! – посочувствовал Варфоломей, извлекая из холодильника начатую бутылку водки и большой солёный огурец. Больше там ничего не было.

Разделив дар земли по-братски, на три равные части, хозяин разлил водку по стаканам.

– За содружество противоречий, антагонистических взглядов и убеждений! – предложил Иосиф Виссарионович свой тост.

– За их всестороннее углубление, – добавил Адольф, поднял гранёный стакан и за полторы минуты осушил мелкими глотками.

Товарищ Сталин и Варфоломей воспользовались залповым приёмом, и заливку горячего осуществили на одном дыхании. Только Адольф всё чего-то мялся в нерешительности и жеманился, нервно поводя плечами.

– Что-то не так? – забеспокоился хозяин квартиры.

– После первой не закусываю, – с нескрываемой надеждой в голосе пояснил Адольф.

– Да ты, дружок, оказывается к тому же ещё и алкоголик, – неодобрительно покачал головой Иосиф Виссарионович.

– Чья бы мычала, твоя бы молчала! – огрызнулся тот. – Сам на себя посмотри. Я на тебя, Йошка, сильно обижаюсь. Так и знай!

– За что, Адик?

Оба даже и не заметили, как перешли на взаимно-ласкательное склонение своих имён.

– Ну почему ты не разрешил мне в 1941 году дойти до уральского хребта, почему? – разгубленно молвил Адольф, и непрошенная слеза ненароком сползла с его щеки в пустой стакан товарища Сталина.

От единожды выпитого Адольф успел изрядно окосеть и распоясаться, забросив брючный ремень в купе с подтяжками за сервант.

– Да потому что до Берлина, в таком случае, тебе пришлось бы драпать в два раза дальше. А тебе это надо было? Не надо!

– А что? В твоих словах есть не малая доля правды, – согласился Адик. – Я как-то об этом даже и не подумал. Исходя из твоих слов получается, что остановив нас под Москвой, ты не только сберёг большую часть моих людей, но и значительно укоротил их обратный путь до родного очага. Спасибо, друг! – и Адик в благородном порыве крепко пожал руку Йошки, сжимавшую ещё не погасшую курительную трубку.

По этому случаю вожди затребовали ещё одну поллитру. Пришлось удовлетворить просьбу. В супермаркете с круглосуточным режимом работы Варфоломей приобрёл бутылку армянского коньяка, а на закуску – прибалтийскую кильку вразвес и полбуханки украинского ржаного хлеба. Только на то и хватило денег. До полочки оставалось два дня.

Когда хозяин воротился домой, оба предводителя непримиримых политических лагерей мирно спали на разостланных на полу шинелях, обнявшись словно братья родные.

Сон великих мужей был чуток и недолог. Звук двери, захлопнувшейся полчаса назад, заставил их проснуться, только сейчас. Этого оказалось достаточно, чтобы предстать пред ясны очи хозяина свежими и бодрыми, светлыми и чистыми, как былинка, омытая прозрачными струями прохладной дождевой воды. Правда, у фюрера оказалось неудачно вымытое лицо. Но это всё пустяки и мелочи жизни, как он изволил заявить. При этом добавил, но как-то туманно, что самое главное в сложившейся ситуации текущего момента – оседлать вектор времени, соображаясь с фактором пространства. А где присутствуют эти обе величины, там превалирует жизнеутверждающий консенсус. «Ничего себе!» – подумалось генералиссимусу с Варфоломеем, и они согласились с ним, после чего последний предложил «явленцам» опохмелиться. Те не посмели отказаться, выразив тем самым глубочайшее почтение хозяину квартиры. У обоих возникло желание выплеснуть наружу всё когда-то наболевшее, невысказанное и недосказанное по причине взаимонепонимания противоборствующих сторон.

Опохмелились. Товарищ Сталин похвалил коньяк, а Гитлер – кильку. Правда, Варфоломей только пригубил спиртное: ему надо было идти на работу. Ещё какое-то время побыв в высокочтимом обществе, дав необходимые инструкции и наставления, он удалился, отправившись зарабатывать себе на хлеб насущный.

Покинутые на произвол судьбы, генералиссимус с фюрером сыграли вничью в шашки, в морской бой, составили Пакт о ненападении, поставили под ним свои подписи и скрепили их кровью. Похвалили Молотова с Риббентропом. Припомнили и обиды, нанесённые когда-то друг другу, но до взаимного рукоприкладства дело не дошло. Всё закончилось мировой, согласно Пакта. По этому поводу дербалызнули ещё по сто, накинули шинельки, натянули на головы форменные фуражки и вышли на улицу.

Обоих сразу же окружила непривычная обстановка. Люди, транспорт, здания, рекламные щиты. Всё это казалось из какого-то другого мира. Оба пожалели, что рядом нет охраны, так как на них стали обращать нездоровое внимание. Это выражалось в следовании за ними вереницы любопытствующих, забежавших вперёд, явно лебезивших и преданно заглядывавших им в глаза. Те, что посмелее пытались выяснить из какого театра оба актёра. Уж не подготовка ли всё это к киносъёмкам или какому-нибудь спектаклю?

– До чего ж, чертяки, правдоподобно играют! – неслось отовсюду. – А грим? Как прекрасно наложен грим. И тени правильно распределены, и каждая на своём месте. Что значит настоящее искусство!

Объяснять обывателям что к чему любимец всех народов с пресловутым и бесноватым фюрером посчитали ниже своего достоинства. Да и сами-то вожди вообще толком не знали и не догадывались откуда явились и куда попали.

– А фюрер-то на чисто баварском диалекте шпрехеет, хотя и австрияка, – тонко подметил какой-то проницательный товарищ справа.

– А генералиссимус! Чего только стоит его прищуренный взгляд на природу вещей? Ну чисто вылитый Иосиф Виссарионович: слова, жесты, мимика, – донеслось слева и по центру.

К полудню «явленцы» проголодались. Пришлось заглянуть в общепитовскую столовую. Обед им ничего не стоил. Весь вид полководцев, манера их поведения были в высшей степени натуральными, убедительными, не наигранными. Даже сама мысль о возможной наказуемости претила взыскивать со столоующихся причитающуюся с них сумму. А умяли дорогие гости всё, за милую душу.

– Обед, товарищи, был хороший, – похвалил товарищ Сталин, раскуривая трубку. – Ничего не скажешь. Молодцы! Только вот в первое блюдо надо было побольше перцу с корицей, а в седло барашка добавить белого кахетинского.

– А вот под чёрную икру можно было бы подать французский коньяк, – заявил фюрер. – А то у меня после десятой столовой ложки появилась от неё изжога. А это непорядок. Всех прикажу расстрелять!

Накормили их бесплатно, хотя товарищ Сталин и пообещал, что в ближайшее время счёт будет оплачен из кремлёвской казны.

Побродили по городу, посетили несколько торговых точек и учреждений. Отоварились основательно, капитально и, к тому же, конкретно. Брали в кредит под честное слово, хотя денег никто с них не требовал: исторические личности всё же, хоть, правда, и артисты, но какие!

Уже не вереницы, а разномастные, улюлюкающие толпы плелись вслед героям дня. А те, с ног до головы увешанные покупками, сытые и довольные возвращались по месту своего явления. Когда публика стала уже докучать и досажать обоим, товарищ Сталин остановился, обвёл всех строгим, уничижающим взглядом.

– Товарищи! Вы мне с господином фюрером создаёте некоторый, и я бы даже сказал, весьма предосудительный с вашей стороны дискомфорт. А это нехорошо. Так нельзя. Это не согласуется с поведенческими нормами простого советского человека. Поэтому я посоветую товарищу Берия разобраться в сложившейся ситуации текущего момента. А пока прошу всех разойтись.

Говоривший, по-видимому, ожидал со стороны любопытствующей толпы реакцию раболепства, неукоснительного повиновения. Да не тут-то было. Реакция оказалась противоположной ожидаемой. Послышались неуместный смех и возгласы восхищения великолепной игрой и непревзойдённым артистизмом. Пришлось выпучить глаза, топнуть ногой, повести бровью и вызвать милицию.

Толпа была рассеяна нарядом милиции и испепеляющими взглядами генералиссимуса и фюрера. Был составлен протокол о задержании двух подозрительных личностей. Но и тут какой-то любопытный блондин достал их всепоглощающим вопросом, на который затруднительно было ответить даже таким выдающимся личностям:

– А как вы чувствовали себя в собственном гробу?

В отделении милиции от задержанных ничего не добились, хотя и у одного и у другого были паспорта образца тысяча девятьсот тридцать седьмого года, удостоверявшие их личности. Как бы то ни было, пришли к выводу, что это артисты, но потерявшие память. Сделали запрос в телевизионную передачу «Жди меня», где дело взяли в производство, сказав: «Ждите!»

Генералиссимуса с фюрером решили отпустить, как говорится, на все четыре стороны. Проводить их по месту проживания изъявила желание милицейская сотрудница в чине полковника Океанида Генерал-Майорова. Вышли из здания участка. При виде задержанных погода нахмурилась, облака сморщились, небо заплакало крупными хлопьями снега. Задул северо-северо-восточный ветер. Прохожие зябко ёжились и прятались в овчинные тулупы. Мимо прошагал какой-то чудак, напевавший: «Собака лаяла на дядю фрайера», затем остановился, как вкопанный, и удивлённо воскликнул:

– Ба-а! Кого я вижу! Остановись, мгновение! Нет, нет, разбудите меня, не верю!

Ну конечно же это был Евгений Петросян, находившийся в это время с «Кривым зеркалом» на гастролях и разъезжавший по городам и весям России и ближнего зарубежья.

– Товарищ Сталин – Олег Басилашвили, фюрер – Армен Джигарханян! Угадал? – и он по очереди обнял обоих.

Те никак не отреагировали на приветствие и продолжали шествие. Петросян от обиды выпятил губы и надул щёки.

– Вы уж пожалуйста не обижайтесь на них, Евгений Ваганович, – стала утешать полковник милиции Океанида Генерал-Майорова, несколько поотстав от конвоируемых. – Они чуточку не в себе. Но если б вы только знали, уважаемый, какая у этих людей тонкая, артистическая организация! А склад ума, мышления, модуляция голоса!.. Нет, это прекрасно!

– Оно и видно! – со слезами на глазах не переставал обижаться Ваганович. – Как это можно не узнать меня? – и закусив нижнюю губу, он еле сдерживал рыдания.

В процессе дальнейшего следования повстречались с двумя русскими бабками. Те, узрев до боли знакомые лица, сходу бултыхнулись на колени. Что-то там запричитали, мелко и быстро перекрестились со словами: «Свят! Свят! Свят!». Встали, плюнули вслед удалявшейся процессии и зашагали в туман.

Снегоочистительные, дорожные машины сновали туда-сюда, нагребая на обочины груды снега. Во дворе дома, где проживал Варфоломей, дворники ЖЭКа №117 исполняли танец с мётлами, а при виде двух знаменитостей взяли орудия производства «на караул». Проскакала мимо Верка Сердючка, напевая себе под нос: «Всё будет хорошо, я это знаю», и ускакала в пургу...

Прошли ещё несколько дней, в течение которых происходило ознакомление «явленцев» с реалиями современной жизни. Вот тогда-то, где-то на четвёртый или пятый день, им, прогуливающимся по городу в сгущающихся сумерках, и повстречался чрезвычайно любопытствующий субъект.

– С непреодолимым вожделием, – начал он, – согласуясь с провидением высшего толка, как существо разумное и благопристойное, стоящее превыше всяческих склок и дрызг, умоляю, скажите, кто вы? Настоящие или артисты? А может быть из загробного мира?

Монолог свой незнакомец произносил стоя на одном колене и протягивая руки к генералиссимусу.

– Встань, коленопреклонный! – приказал Иосиф Виссарионович, чиркая спичкой и раскуривая трубку. – Зачем тебе это знать? И вообще, ты кто такой, дурошлёп несчастный, что так витиевато излагаешь свои мысли?

– Из бульварной газеты мы, из «Приятных мелочей». Состою почётным суверенным членом «Партии Толстолобиков».

– А-а, значит болтун профессиональный, производящий подмену настоящих духовных ценностей ценностями Иуды. Прочь с глаз моих, исчадие «геенны огненной»!

– Не извольте гневиться, достопочтенный Иосиф Виссарионович. Я ваш ярый приверженец. Мысль моя – вкупе с проявлением вдохновения по части совокупления с последующим проникновением, – насквозь пронизывает и усугубляет положение вещей в области психологического настроя и психомоторного контакта.

– Психология – это, прежде всего, наука, изучающая и описывающая особенности узоров человеческой души. А у вас, уважаемый, всё как-то затушёвано, замуалировано. Убористый текст с забористым подтекстом. Так нельзя. Так можно договориться чёрт-те знает до какой раздрапендии, а это уже плохо, – и товарищ Сталин повёл усом, сначала левым, а затем уж и правым. – У вас воспалённое воображение при дремучей, непроходимой глупости.

– Совершенно верно, – согласился незнакомец. – Так вот. После всенародной, невосполнимой утраты, которую мы понесли, когда вы, наш благосклонно-непревзойдённый, отбросив копыта, сыграли в ящик...

Тут всякое терпение Иосифа Виссарионовича иссякло, нервы не выдержали и он, не мудрствуя лукаво, мундштуком курительной трубки ткнул прямо в глаз говоруна.

– Теперь я инвалид! – ойкнув от неожиданности, простонал потерпевший. – Пострадал от сталинского режима и произвола. Фюрер, вы свидетель!

– Никакой я тебе не свидетель, – засвидетельствовал Адольф. – Давай, проваливай отсюда, пока я тебе другой глаз не выбил.

– Хорошо, я ухожу, – согласился потерпевший. – Но ухожу задом.

– Можешь и боком.

– Но я горд и счастлив, что увечье моё обусловлено целенаправленными действиями выдающейся личности...

Эта ночь прошла беспокойно. Несмотря на подписание Пакта о ненападении, пресловуто-бесноватый, в ночь с 21 на 22 ноября, ровно в 4 часа 30 минут утра по московскому вре-

мени, обрушился всей своей мощью на дрыхнувшего генералиссимуса. Было совершено подлое, вероломное нападение без предупреждения.

Однако, в то время, как один глаз почивавшего Иосифа Виссарионовича дремал, другой бдил. Как раз вот это-то обстоятельство и не дало возможности реализоваться коварным планам и замыслам придурковатого фюрера.

Возмездие не заставило себя долго ждать. Изловчившись, генералиссимус, что было силы, дёрнул фюрера за рудиментарный раритет. Тот взвыл, аки африканский буйвол в мексиканских прериях, и очутился под Иосифом Виссарионовичем.

– Вот те, Адик, и настал судный день! – приговаривал он, колошматя фюрера. – Дружбы не получилось. Мысли твои в корне кощунственны и предвзяты, а сам ты изготовлен из недоброкачественного материала. Сейчас я, по большому счёту, постараюсь так разукрасить твою личность с фасада и анфаса, что тебя не только близкие и знакомые, но и мама родная не узнает. После чего вынужден буду поставить тебе клизму №15.

Речь генералиссимуса была до такой степени убедительной, что фюрер без всяческих проволочек подписал заранее заготовленный товарищем Сталиным текст Акта о безоговорочной капитуляции.

– А теперь, непредсказуемый ты мой, делай драпен нах хаус, – подсказал Иосиф Виссарионович Адольфу дальнейшие его действия и коленкой направил в сторону выходной двери.

– Куда же я пойду? – заплакал вдруг герр Гитлер, утирая рукавом, катившиеся по щекам слёзы.

– Да хоть в избушку на курьих ножках!

Ещё пуще заплакал фюрер. Варфоломей давно уже привык к неординарным выходкам новоявленных домочадцев. Он молча наблюдал их разборки. На сей раз решил не оставаться равнодушным к их проблемам. Устранить последние он решил путём возвращения новоиспечённых нуворишей на свои законные места. В связи с этим он отправил их по прежнему месту обитания, согласуясь с принципом «мощи отдельно, духи отдельно». В квартире сразу стало как-то светлее, просторнее, а главное – свежее.

5.

Наступило лето. За работой, повседневными заботами, хлопотами и делами память о прошедших событиях притупилась как-то сама собой. Пришла пора летних отпусков. Не долго раздумывая куда бы податься, Варфоломей отправился на летнюю дачу к своему старинному приятелю Никодиму Ёжикову. Тот давно уже приглашал его к себе погостить.

Находилась дача километрах в двадцати от черты города. Езды до неё автобусом не более тридцати минут. Строение располагалось в самом конце лесной просеки, упирившейся в живописный пруд, поросший белыми лилиями. Приехал вроде бы и вовремя, и в то же самое время – не вовремя. Хозяин пребывал дома. Варфоломей застал Никодима укладывавшим свои нехитрые пожитки в спортивную сумку.

– Отбываю, дружище, в Туруханск, в эту тьму-таракань, – сообщил он «радостную» новость. – Начальство срочно отряжает в командировку, за Зяму Кирпичштейна, документально семь на восемь. Вручаю тебе ключи, остаёшься за хозяина. Отдыхай, поправляй здоровье. Где что лежит, сам знаешь. В случае чего, подскажет и поможет соседка Аделаида Кузьминична. Ты её должен помнить.

– А что? Так срочно?

– Срочнее некуда.

Варфоломей прекрасно знал, что у Никодима была работа по специальности «кто куда пошлёт», вместо «того парня», разумеется. Вот он и разъезжал круглогодично по городам, долам и весям отчизны, не щадя живота своего. У него по этому случаю была даже геогра-

фическая карта, на которой были помечены цветными карандашами маршруты прошедших и предстоящих путей следования: от западных до восточных и от северных до южных границ.

В общем, Никодим отбыл в спешном порядке: даже толком и проститься-то не успели. «Ну, раз надо, так надо, – подумалось гостю. – Знать судьба такая. Пусть себе едет. А я сначала завалюсь на диван, отосплюсь хорошенько; буду рыбачить, купаться, загорать и, главное, читать. Читать, и ещё раз читать! Красота-а!

Дачное строение было не малых габаритов и несло на себе печать деревенского быта. Веранда, прихожая, две светлые, просторные комнаты – столовая и рабочий кабинет, небольшая мансарда наверху – спальня. Так что было где развернуться широкой натуре отдыхающего.

Первые дни пролетели незаметно. Все свершения вершились согласно запланированного графика. Особенно много читалось. Так прошла неделя. Одиночество, казавшееся ранее благом, сейчас уже не казалось таковым, и стало потихонечку надоедать. Уже и рыба не так ловилась, не так спалось и загоралось, а чтение пресытилось вообще. Стало скучно.

Вяло, расслабленно раскачиваясь в гамаке, растянутом меж двух берёз, отпускник сосредоточенно размышлял, чем бы ещё себя занять. Слегка задремав, он тут же проснулся и хлопнул себя ладонью по лбу.

– Эх, и развесёлая же будет у меня сегодня компания. Как же это я раньше-то не додумался, голова два уха?

А надумалось Варфоломею пообщаться с материализованными духами великих государственных деятелей России и СССР, нашего прошлого и настоящего. Был даже составлен список. Набралось общество из шестнадцати человек. Правда, в него вошли и двое из ныне здравствующих. В связи с этим было о чём призадуматься.

– Если человек здоров, – размышлял Варфоломей, – а у него отбирается душа с целью последующей её материализации, то в результате получим две ипостаси одного и того же человека, похожие друг на друга, как две капли воды. Одна из ипостасей, оставшаяся без души и обезличенная, превращается в безвольное существо, своего рода – робота, послушного исполнителя чьей-либо воли, или же в сомнамбулу. Другая же, материализованная и наделённая душой ипостась, будет являться живой, одухотворённой копией ныне здравствующего лица, то есть копией «один к одному». Что из того следует и что нам это сулит? Подобная ситуация таит в себе определённый элемент неожиданности, весьма опасный для общества. Потому она должна составлять предмет государственной тайны военно-стратегического характера. Однако, следует попробовать. Ведь скучища-то какая! Дача, куда не доходят звуки цивилизации – самое подходящее место для проведения подобного, необычного эксперимента. Будь что будет!

Всю следующую ночь на даче Никодима Ёжикова гремели и сверкали молнии местного, сугубо локального характера. Ипостаси возникали одна за другой и молчаливо разбрелись кто куда. Они околачивались по этажам и закоулкам дачи. Приглядывались к окружающей обстановке. Начали кучковаться по интересам, заводить разговоры, прощупывать друг друга как иносказательно, так и на ощупь.

Собрав государственных людей в кружок, Варфоломей объявил, что все они находятся на конспиративной квартире, за городом, на даче надёжного и верного товарища Никодима Ёжикова. Поэтому надо быть «тише воды, ниже травы». В полголоса, в хоровом исполнении, спели «Интернационал», после чего каждый занялся своим любимым делом.

Владимир Ильич Ленин приступил к переосмысливанию «Манифеста» и «Капитала» Карла Маркса и Фридриха Энгельса. После этого он решил освежить свою память чтением собственных трудов, таких как «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Как нам реорганизовать Рабкрин» и написать новую – «О проститутках от политики как таковых».

Иосиф Виссарионович Сталин неторопливо, с чувством и расстановкой, набивал курительную трубку третьесортным, дешёвым табаком, извлекаемым из солдатского матерчатого

кисета. Он тщательно продумывал план разгромной статьи «Что такое Лёва Троцкий и как с ним бороться?»

Лев Троцкий, в свою очередь, нервно покусывал ногти давно не мытых рук. Он забился в угол и неразборчивым почерком писал, украдкой, статьи «Я вам всем покажу!» и «Вы у меня ещё попляшете». Ставка делалась на их большой тираж и немалые гонорары.

Всенародный староста Михаил Иванович Калинин молча возлежал, подперев голову рукой, на общей скамейке возле окна. Он обводил лица собравшихся ласковым, отеческим взглядом, который мог бы рассказать о многом.

Будённый Семён Михайлович расположился за печкой. В свете лучины на нождачном точиле с ножным приводом он точил конармейскую шашку, напевая себе под нос ямщицкую песенку:

*Мне рассказывал один ямщик прохвост,
Будто он у той хозяйки видел хвост,
Хвостик маленький, закрученный такой,
И как будто бы качает головой.*

Климентий Ефремович Ворошилов из окна чердака из-под руки вглядывался в даль и не устал повторять: «А что-то не видать моей Первой Конной!».

Феликс Эдмундович Дзержинский смазывал дуло «парабеллума», извлечённого из деревянной кобуры, и молча спрашивал совета у Владимира Ильича, как поступать с контрреволюционными элементами.

Вячеслав Михайлович Молотов, с всевозрастающим интересом, не перебивая, прислушивался к его молчанию, и в то же самое время был занят приготовлением «коктейля Молотова», которым собирался попотчевать окружение.

Лаврентий Берия незаметно брал на заметку лиц, не внушавших ему доверия. Чтобы никто не догадался, все свои записи он производил с помощью китайских иероглифов. Обходя собравшихся и задавая каверзные вопросы, он проверял их на лояльность режиму товарища Сталина.

Никита Сергеевич Хрущёв тренировался, готовясь к выступлению в Организации Объединённых Наций. Каблуком башмака, снятого с ноги и оголившего грязный, рваный носок, он колошматил по деревянной лавке и возмущённо восклицал: «Я вам покажу „кузькину мать“, будете знать!». Лаврентию, совершавшему обход публики и подвернувшемуся под горячую руку, Никита Сергеевич шмякнул так же и по его темечку каблуком, несколько раз. У того глаза полезли на лоб, приняв трапецеидальную форму.

Самым спокойным казался Леонид Ильич Брежнев, предлагавший окружению величать его этак запросто, Ильичём. К чему, мол, такие формальности. Он делал сразу два дела, разложив на столе все свои награды, на засаленном клочке бумаги. С помощью бухгалтерских счётов, подсчитывал соотношение орденов и медалей, и в который раз перечитывал «Целину» и «Малую Землю», не уставая удивляться каждой строчке своих произведений.

Юрий Владимирович Андропов размышлял над статьёй Владимира Ильича Ленина «Лучше меньше, да лучше». В то же самое время он думал над собственной «Как нам поймать шпиона и что для этого нужно».

Константин Устинович Черненко глотал пилюли, запивая их микстурами, настоянными на коньяке трёхсотлетней выдержки, и жаловался на покосившееся здоровье.

Борис Николаевич Ельцин втихаря прикладывался к горлышкам «шкаликов» и пошаливал, рассказывая неприличные анекдоты...

Правда, одно обстоятельство очень настораживало Варфоломея. Заключалось оно в том, что вместо запланированных Владимира Владимировича и Михаила Сергеевича реализовались какие-то два подозрительные типа, назвавшиеся Зорро и Мистер Икс. Первый пребы-

вал в долгополой чёрной шляпе, в чёрном плаще и в чёрной маске; второй – в чёрном плаще и маске, но... без шляпы.

– Я вас не реализовывал, товарищи! – сообщил Варфоломей им пренеприятную новость, жутко теряясь в догадках.

– Реализовывал, реализовывал! – скороговоркой выпалил Зорро.

Он в это время жарил котлеты и, отгоняя от них мух, весело приговаривал: «Мухи отдельно, котлеты отдельно!» Но что самое интересное: он умудрялся каким-то невероятным образом одну руку держать на пульсе времени, а другую – на пульте управления государством. По крайней мере так сам Зорро пояснил. Голос его показался Варфоломею до боли знакомым.

Что касается Мистера Икс, то он был углублён в составление чернового варианта доклада ЦК КПСС двадцать седьмому съезду. В перерывах он занимался перестройкой: строил, а затем перестраивал домики из костяшек домино и детских кубиков. Время от времени, обмахиваясь носовым платком, он создавал «ветер перемен», согласуя его с веянием времён и наличием судьбоносного консенсуса.

От сосредоточения в одном месте такого количества великих умов своего времени воздух внутри дачного помещения был наэлектризован и нашпигован умными мыслями и эфирной субстанцией философического характера.

Варфоломей успел отметить про себя, что каждый из индивидуумов жил – работал и думал – своим временем, своей эпохой, и поэтому был в какой-то мере обособлен от остальных. Но он уж слишком шибко уважал присутствующих, чтобы не пояснить им, где и в каких временных рамках они очутились. Пришлось провести уроки ликбеза. Было прочитано несколько лекций по истории постреволюционной России и СССР, по успешному развалу последнего. Не малое внимание было уделено развитию науки и техники и благам от их реализации в повседневной жизни. Присутствующими было прочитано большое количество исторической, политической, экономической литературы. Просмотрено множество телепередач на данные темы. Прослушан ряд лекций о текущем моменте.

Сполна впитав в себя приобретённые знания, присутствующие стали выяснять между собой отношения. Ильич с кулаками полез на Иосифа. Тот стал оправдываться и во всех бедах и грехах винить Лёву Троцкого.

На орехи перепало и Никите Сергеевичу Хрущёву. Он их, эти орехи, колот башмаком.

Что касается Брежнева, Леонида Ильича, то его совсем заколебали, отвесив энное количество тумачков и поставив по фингалу под каждый глаз.

Андропов с Черненко вскарабкались на печку. Они молча, с замиранием сердца, наблюдали за стремительно развивавшимися внизу событиями, нет-нет да и науськивая иной раз своих побратимов друг на друга.

Ельцина до такой степени отдубасили, что тот в распростёртом состоянии возлежал на полу и служил неплохими возвышениями для обзора местности. Зорро, прикинувшись складным стульчиком, вёл репортаж местного значения и комментировал в рукав противостояние между двумя сложившимися группировками. В первую из них входили четверо: Ильич в кепке с гордо поднятой головой и протянутой вперёд рукой; «железный Феликс» с парабеллумом в руке; Будённый с шашкой наголо и Ворошилов с кумачёвым знаменем на ореховом древке. Они смело теснили к стенке отступников, поправших все нормы приличия и идеалы коммунистических идей и морали...

6.

Три дня спустя все информационные агентства выдали на-гора сногшибательную, сенсационную новость: Владимир Владимирович и Михаил Сергеевич были замечены ночью шагающими по карнизу пятого этажа двенадцатиэтажного жилого дома. Они медленно, с закрытыми глазами, при бледном свете полночной луны, продвигались навстречу друг другу с протяну-

тыми вперёд руками, будучи облачёнными в ночные, белые одеяния. В дневное время суток поведение обоих носило неадекватный характер: отсутствие реакции на различные раздражители; полное отсутствие мыслительной деятельности и переподчинение её посторонним индивидуумам. Диагноз: сомнамбулический синдром, осложнённый ярко выраженными признаками лунатизма.

Вот только тут Варфоломей догадался, кто так искусно скрывался под масками Зорро и Мистера Икс.

Общественность бурлила, теряясь в догадках о причинах столь резко накренившегося здоровья двух лидеров, одного – бывшего, другого – действующего. Причину знал только Варфоломей. Долго не раздумывая, уединившись в укромном месте, он приказал их ипостасям сгинуть, а духам вселиться в своих прежних хозяев. Мистер Икс сгинул молча, Зорро – с призывом: «Хватит жевать сопли и носить сапоги всмятку!».

Всё встало на свои законные места и приобрело прежний смысл. И Владимир Владимирович, и Михаил Сергеевич, засучив рукава, с всевозрастающим энтузиазмом продолжили свою деятельность, заставляя удивляться недругов и завистников своей неиссякаемой энергии и неувядающему оптимизму.

В скором времени сообществом было обнаружено отсутствие двух своих соплеменников, в связи с чем оно приказало Варфоломею держать перед ним ответ. Тому пришлось честно признаться, что оба товарища были отправлены им восвояси, по прежнему адресу проживания. Вот тут-то публике и был дан повод призадуматься и сделать соответствующие выводы.

– Послушайте-ка, любезный! – вкрадчиво прозвучал чей-то голос. – Всё хорошо, всё понятно. Не ясно лишь одно: откуда все мы взялись. Согласно исторического хода событий, различных литературно-информационных источников все здесь присутствующие отошли – извините за выражение – в мир иной ещё в прошлом столетии. Бр-р-р! – говоривший затряс плечами под впечатлением собственных слов. – И вдруг, понимаете ли, на тебе: очутились живы, здоровы и невредимы аж в начале третьего тысячелетия. Как всё это надо понимать и как вы это нам объясните?

– Элементарно, друзья мои! – долго не раздумывая, отозвался Варфоломей. – Я всех вас реализовал.

– Как это так – реализовал? – загалдела, занедоумевала любопытная публика.

– А так! Вызвал дух каждого из вас в отдельности и затем материализовал его.

– Но это в корне противоречит учению Карла Маркса и Фридриха Энгельса, – возмущённо запротестовал Владимир Ильич Ленин, и, скромно отведя глаза в сторону, добавил: «И моему тоже».

– Следовательно в ваши учения вкралась ошибка.

– Идеи Карла Маркса-Фридриха Энгельса, Ленина-Сталина живут и побеждают. – запальчиво вмешался в разговор Леонид Ильич Брежнев. – Они непогрешимы.

– Заткнись, шестёрка, – гаркнул на него Лаврентий, – а то как дам в глаз, будешь знать!

– Ты кому это говоришь, дурошлёр несчастный, а? – до самой селезёнки с печёнкой возмутился Леонид Ильич, и набычился. Глаза его налились кровью, а изо рта пошла пена. – Мне, заслужённому!.. Да я тебе!.. Да знаешь ли ты, дурик, что я на Малой земле...

– Знаю, знаю, – перебил Лаврентий. – А я – на Большой. Так что главное?

Владимир Ильич Ленин, задрав голову вверх, что-то доказывал и объяснял Андропову с Черненко, всё ещё не решавшимся слазить с печки. Он убеждал их, что уроки истории многим на пользу не идут. По разным причинам они быстро забываются.

Товарищ Молотов занимался общественно-полезным делом: он ковал на наковальне серп для жатвы.

«Железный» Феликс с Будённым и Ворошиловым поймали Троцкого и передали его Иосифу Виссарионовичу Сталину для ведения допроса с пристрастием. Последний грозился отрезать ему яйца, серпом, и поторапливал Молотова.

Только Никита Сергеич Хрущёв с Борисом Николаичем Ельциным тихо и мирно сидели за дубовым, тёсаным столом. Они тянули через соломинку самогонку, закусывали варёной кукурузой и вели приятные разговоры на тему о значении севооборота в жизни страны.

Где-то ближе к обеду на дачу заглянула соседка Аделаида Кузьминична – крупнокалиберная, дородная особа, весьма привлекательного вида. Узрев незнакомую компанию и пристально взглядевшись в лица, она вдруг всплеснула руками, сделала треугольные глаза, загудела паровозом и убежала.

К полудню все, кажется, угомонились. Только товарищ Берия уж больно подозрительно всё кружил и кружил вокруг персоны Варфоломея, как кот вокруг сметаны, пытаюсь, видимо, что-то спросить у него, очень важное.

– Послушайте, как вас там, – начал он.

– Варфоломей Аборигенович! – последовала подсказка.

– Так вот, товарищ Абориген. Если вы нас, по вашим же словам, реализовали, то, по всей видимости, процесс этот имеет и обратную силу. То есть вы всех здесь присутствующих можете и антиреализовать, не так ли?

– Ну разумеется!

– Вот видите, друзья мои? – победно воскликнул товарищ Лаврентий Берия. – Так этот субъект может в любую минуту по своей прихоти запроторить всех нас, раньше времени, к нашим праотцам. А нужно ли нам это? Лично я чувствую себя на этом свете весьма прилично и очень даже комфортно. А вы?

– И мы тоже! – прокатилось под сводами потолка громкоголосое многоголосье.

– Так в чём же дело, братва? Кляп ему в поддувало. Свяжем и заутюжим вниз головой верх ногами, прямо в пруд, где лилии цветут, и делу конец. Лови его!

Тут Варфоломей понял, что где-то допустил непростительную оплошность и теперь возникла срочная необходимость устранить её путём спринтерского бега на длинную дистанцию. Выбив головой раму окна, он перескочил через подоконник и бросился к калитке. На пути следования он нечаянно сбил с ног Владимира Ильича и Феликса Эдмундовича, две пары ног которых так и мелькнули в воздухе. Дверца калитки почему-то не открывалась и Варфоломей, с большим запасом, перемахнул через двухметровый забор.

Слома голову нёсся он вдоль просеки среди дачных строений, сосен и елей. Дачники толпами вывалили из своих хижин, свистя и улюлюкая вслед беглецу. За спиной своей он ощущал топот ног, будто за ним гналось стадо слонов, и дыхание толпы, лидировал в которой сам товарищ Ленин. За ним развёрнутым строем мчались Клим Ворошилов с красным знаменем наперевес, Будённый с шашкой наголо и Феликс Эдмундович, стрелявший на бегу из парабеллума.

– Держи его! – ревела толпа сквозь грохот выстрелов и взрывов. – Стой! Варфоломе-ей...

Всевидящий вздрогнул и... проснулся. Он восседал на своём рабочем месте, а над ним стоял его коллега Евсей Всеслышавший и тормозил за плечо.

– Варфоломей! Конец работы, пора домой.

– Я что, заснул?

– Как видишь.

– Ну надо же было такой фигне присниться: пересказать кому, не поверят. И долго спал?

– Да нет, минут пять, не больше. Иди сдавай отчёт начальству, и шуруем домой.

За окном неистовствовала непогода. Крупные капли дождя картечью били о подоконник. Небо было полностью затянуто грозowymi тучами.

– Иду, – отозвался Варфоломей, – вот только окно закрою.

Он встал и подошёл к окну. В это самое время где-то наверху сверкнул мощный грозовой разряд, озарив всё небо и гроыхнув сотнями децибел. И тут все с превеликим ужасом увидели, как в окно просунулось какое-то мерзкое, хоботообразное щупальце, несколько раз обернулось вокруг тела несчастного и тут же исчезло вместе с ним в неизвестном направлении...

Дачники

*Тут вряд ли кому-то покажется мало,
Когда на губах мёд, а в заднице жало.
(Автор)*

На дачный посёлок Дубоедово опускался тихий летний вечер. Природа отходила к упокою после изнурительного полуденного зноя. Дачные строения, утопавшие в зелени садов, казались какими-то игрушечными, сказочными. Было что-то уютное, патриархальное в симфонии строений, звуков и запахов.

На одной из улочек под названием «Продольно-поперечная», в палисаднике одного из домов, сидели женщины весьма преклонного возраста и судачили о чём-то своём, повседневном. Сидели они в тесном кругу, на лавочках, вокруг дымящегося самовара. Установлен он был на самодельно сработанный деревянный столик. Женщины пили чай.

Однако, вскоре неторопливая их беседа была нарушена невесть откуда появившимся соседом с улицы «Диагональной» – Илларионом Авдеевичем Крендельковым, – въедливым, желчным и ехидным стариком.

– Темна вода в облацех! – вздрогнув от неожиданности, вымолвила одна из старушек и мелко перекрестилась. – Лёгко на помине!

– А вы, Илларион Авдеич, у нас на слуху и во языцех, – вторила ей другая.

– Привет этому уголку невинности и целомудрия! – поприветствовал нежданный гость. – Публикум собрался и расходиться не хочет.

– Ступай, ступай себе дале! – прозвучало в ответ. – Планомерной тебе, гордой походки на пути витиеватом.

– Тебе, как я посмотрю, Лукерья, пальца в рот не клади, – заметил Илларион Авдеич, усмехаясь. – Как здоровьице-то?

– Не жалеваюсь! – ответила та.

– А твоё, Авдотья, как самочувствие? – обратился он к старушке в белом платочке в синий горошек.

– Не дождёшься! – со строгим выражением лица молвила женщина, не глядя в его сторону.

– Ах, какой полонез с репримандом. А я в вашу компанию «тяжмашпроммосметлом», на огонёк так сказать. Принимаете? – И он без всякого согласия на то, отворил калитку и бесцеремонно подсел к Семёновне, молодящейся старушке.

Та немного отодвинулась, предоставляя ему свободное место. К тому же она оберегала себя от разного рода посягательств и поползновений с его стороны.

– Ишь, какая неприкасашка! – пожурил её дед, подсаживаясь и пододвигаясь к ней ещё на пол дюйма...

Илларион Авдеич слыл человеком весьма ворчливым. Вечно был чем-то недоволен и питал различного рода жалобами вышестоящие инстанции и организации. Над молодёжью он благосклонно иронизировал. Считал её склонной к безделью и разврату, возлагая на себя роль учителя и наставника подрастающего поколения. Более взрослые слои населения он пытался учить, засыпая их потоками нравоучений. К представителям же своего поколения он относился свысока, снисходительно, в силу тех обстоятельств, что имел неоконченное высшее образование. Уверял соседей в своём дворянском происхождении по линии отца. Следовательно считал себя представителем высшей касты, то есть, как он любил говаривать – «белой костью».

Особенно он слыл мастаком по линии нравственности. Правда, слова его в этом отношении как-то резко расходились с делом. В свои семьдесят лет он был равнодушен к жен-

скому полу. Он мог позволить себе походя ущипнуть особу женского пола или же дёрнуть её за юбку. Справедливость подобных действий объяснял стремлением указать на непозволительность ношения брюк и миниюбок.

– Ну ты смотрика-ся, – возмущался он в подобных случаях. – Свет перевернулся. Бабы все в брюки перенарядились, мужики – в юбки. Какую-то любовь однополую придумали. Срам, да и только! В наши-то годы об этом не только и речи не могло быть, а даже и подумать-то было страшно, ибо то – вопиюще. Всё было благопристойно, чинно, без всяких там философиев. На то Господь Бог и создал мужчину с женщиной, чтобы разница чувствовалась. Мужчине он дал силу и ум, а женщине – всё остальное: всякие там прелести с причиндалиями, и – длинный язык...

Так Илларион Авдеич частенько разглагольствовал, сидя на лавочке в оточении сверстниц. Те коротали вечернее время за всяческими разговорами и находили большое удовольствие в том за чашкой чая. В общем, это была весьма противоречивая личность...

Вот и сейчас, услышав, что речь идёт о молодёжи, он не преминул вставить в разговор и своё веское слово.

– Чтобы у всех на виду обниматься да целоваться, в наше время было, извините, ни-ни. Чуть что, иди сюда. Отвечай по комсомольской линии за порочащее комсомольское звание поведение.

Разговаривая, он пил чай с длинными прихлёбами, перемежающимися громким чавканьем.

– А на пляжах что творится! – продолжал негодовать незванный гость. – Нет на них бальзама секущего. Понапридумывали всякие там пирсинги, тату. Чего только одни – как их там, – стрингеры, кажись, стоят. Тьфу! Противно смотреть!

– А ты и не смотри, – посоветовала одна из старушек. – Чего zenки-то свои пялить на молодух? Аль не догулял, видать, паршивец этакий!

– Ты, Настасья, говори-говори, да не заговаривайся. Я блюду честь свою смолоду. Человек я положительный, твёрдый, непорочен и чист, как тот кристалл алмазный.

– Оно по тебе и видно, – вступилась за Настасью её подружка Марфа Лукинична. – Хлюст ты хороший в свои семьдесят-то, пересмешник. Всё никак не угомонишься.

– Я ей про Фому, а она мне тут про Ерёму, – раздосадовано покачал головой Крендельков. – Это вы потому такого суждения обо мне, что когда-то каждая из вас добивалась моего расположения и внимания, а я как тот рыбак всё терпеливо выжидал случая...

– ...покеда поплавок твой с обома грузилами на дно не опустится, – не дав договорить, съязвила Авдотья Никитична, по причине чего вся женская половина так и прыснула в кулак.

– Я категорически возмущён. Но, смею доложить: чего только стоила одна Дамба Каланчевская. Не женщина, скажу вам, а блуждающая шаровая молния, – старался досадить своим сверстницам Илларион Авдеич, при этом верхней губой он улыбался, нижней – плакал. – Ведь что такое женщина? Женщина – это друг человека...

– Друзья человека в лесу бегают! – уточнила Марья Семёновна, отодвигаясь от своего соседа чем можно дальше. – А вам не кажется, бабоньки, что чем-то пахнет?

Все потянули носами.

– А ведь и вправду чем-то пахнет, – подтвердила Наталья Петровна.

– Пахнет обыкновенно! – пожал плечами Илларион Матвеич.

– Вот что значит «своё»! – с лукавинкой в глазах молвила Лукерья Ивановна, и всё женское окружение тихо засмеялось.

– Смейтесь, смейтесь, – обиделся старик. – Вот задам всем вам здесь фернапиксу, будете знать. Взять хотя бы тебя, Семёновна. Хоть ты убога и немощна в свои шестьдесят восемь, однако видал, как ты свои глазнапы на своего соседа пялила.

– Это ещё на какого такого соседа? – возмутилась старушка. – Что ты всякую чушь с ересью мелешь? Иди лучше, поцелуйся с верблюдом! Людей постыдился бы и Бога побоялся, пакостник ты этакой!

– А вот на такого. На художника патлатого, портретиста-авангардиста.

– И вовсе он не авангардист, а импрессионист, – поспешила уточнить Авдотья Никитична.

– Много ты понимаешь! – пробубнил под нос Крендельков.

– Кстати. У него какие-то имя и фамилия чудные, – заметила Марфа Лукинична.

– Это точно! – оживился старик. – Лимонадион Анапестович Натюрмортов. – А вот и оне, собственной персоналией! – вдруг весело воскликнул Илларион Авдеич, ещё издали заприметив приближавшуюся высокую, худощавую фигуру мужчины лет тридцати пяти с ниспадавшей на плечи длинной копной волос.

Это был подающий надежды художник, имевший успех на выставках и у женщин. Рядом шагала модно одетая девушка с изящной фигурой, в яркокрасном платье, испещрённом цифрами и элементарными математическими формулами. На лице её лежал густой слой румяны, а банановые губы были ярко окрашены. Она улыбалась и кокетливо щурила глазки.

Пара возвращалась со стороны железнодорожной станции, расположенной в версте от дачного посёлка, в потоке дачников, возвращавшихся из города в свои загородные апартаменты.

– Ишь мне. Патлы-то свои как распустил, – не преминул съязвить Крендельков. – А его кобыла с номерными знаками чего только стоит. Эх наштукатурилась! Натурщица! Пришуршала!

Старушки приутихли, с любопытством разглядывая молодую пару.

– Привет представителям поколения начала двадцатого века! – поприветствовал Натюрмортов. – Товарищу Кренделькову – мой персональный!

– Гусь свинье не товарищ! – отвечал тот.

– Да я, дед, такой гусь, что любая свинья сочтёт за честь взять меня в свои товарищи, – отпарировал художник. – Всё весёлыми байками развлекаем народ?

Обоюдная неприязнь сквозила в их словесной дуэли.

– Говори-говори, гусь лапчатый, – огрызнулся Крендельков. – Тоже мне, Михель Анджелес нашёлся! Много вас тут таких бродют. Развели мне тут, понимаешь ли, фигли-мигли всякие...

– Небольшое уточнение: Микеланджело Буонарроти, – поправил Натюрмортов.

– А мне всё едино, жизнь моя в раскорячку! Погоди-погоди, я те уже устрою! – не унимался дед.

– В таком случае, дедушка, отправляю тебя к компрачикосам и собору парижской богоматери для выяснения вопроса о значимости фертикулярности пендикуляции при сублимации через инвергенцию.

– Ишь ты, какими словесными кренделями с вензелями раскидывается, – покачал головой Илларион Авдеич. – А что ты скажешь, дружок, на то, что перпендикулярность твоей политики заключается в параллельности твоих мыслей, заключённых в сферическую оболочку философских рассуждений?

– Ну дед, я фонарею на фоне фанеры! – удивлённо воскликнул художник. – Не ожидал от тебя таких академических познаний. Круто!

– То-то и оно. – Старик от удовольствия причмокнул губами и продолжал: «Надобно, чтобы вся жизнь наша, проходя сквозь призму бытия, преломлялась и раскладывалась на цветовую гамму жизненных ситуаций».

Говоря всё это, Илларион Авдеич снисходительно покурился чужую сигарету, только что позаимствованную у Натюрмортова.

– А вас, дедушка, разве ещё в милицию не забрали? – вдруг осведомилась девушка. У Кренделькова от неожиданности отвисла нижняя челюсть.

– Это ещё с какой такой стати? – округлил он глаза.

– Да, правда, Иларион Авдеич! – подтвердил художник Натюрмортов. – Твоя личность, по-моему, фигурирует в уголовной хронике. Там, в городе на милицейских досках с названием «Их разыскивает милиция» размещён фоторобот, и уж больно похожий на тебя.

– Ага! – вторила спутница художника. – Там ещё написано, что находится в розыске сексуальный маньяк и серийный убийца, который убил какого-то тоже дедушку и поглумился над его бабушкой.

Такой словесной атаки Крендельков ну никак не ожидал.

– Да вы что, друзья мои, белены что ли объелись? – разгубленно вопрошал он, оправляясь от неожиданности.

– Вот уже и «друзья мои», – заметил Натюрмортов. – Страсти потихоньку улегаются. Хотя с чего бы им быть? Наша информация никого ни к чему не обязывает. Может быть это и не вас разыскивают. Кто знает? Но, на всякий случай, дед, всё-таки готовь сухари.

Бабушки почему-то все, как по команде, вдруг куда-то заторопились. У каждой из них сразу нашлись какие-то срочные, неотложные дела.

– А в общем-то, Авдеич, – уже на ходу обратился художник к тому, – как только выпустят, приходи, нарисую с тебя отличное «ню». Дорого не возьму, но мир обзаведётся ещё одним шедевром искусства...

Неблагоприятные прогнозы для Кренделькова, и в самом деле, в скором времени подтвердились. Утром следующего дня его забрали, препроводив в город в один из районных участков милиции.

Кто сыграл подобную злую шутку с Крендельковым, чья это была проделка, так и осталось загадкой. Хотя каждый, правда, догадывался чьих это рук дело, и делал свои выводы. Но зато дачный посёлок «Дубоедово» в течение целого летнего месяца отдыхал от брюзги. А это было самое важное.

Перевоплощение

*Любовь – то сродни, понимаете сами,
Электродуге меж двумя полюсами.
(Автор)*

– Забавная история приключилась с моей лучшей подругой Мусей Ухватовой, – откусывая шоколадку и запивая её чаем с малиновым вареньем, молвила Флейта Занозистая. – Когда я с ней впервые познакомилась, она была ужасной неряхой. Муж так её и прозвал – «ваше высококонеряшество». Безалаберная. За собой не следит. Кушать готовит из рук вон плохо. В квартире полнейший беспорядок и кавардак, а ей всё ни по чёму. Муж весь извёлся. Похудел беденький. Спит плохо, а днём бродит, как в потёмках, на ощупь. Повторяет всё: «Ох уж ты жизнь моя тридцатизэтажная!»

Так продолжалось где-то года полтора-два. И вдруг – полнейший отпад. Моя подруга в кратчайшие сроки полностью преобразается: обкладывается кулинарными книгами, журналами мод «Шик, блеск, красота!». Квартира блестит и пахнет, переливается всеми цветами радуги. Повсюду – цветы, цветы, цветы. Внешне так преобразилась, что не узнать: ну вылитая Мерелин Монро.

Муж, конечно, сначала обрадовался такому повороту событий. Но потом стал постепенно призадумываться: отчего это, мол, такая перемена? Закралось подозрение, что дело не чисто, что у Муси появился кто-то другой, на стороне. Ревность стала разъедать его душу. Сцены ревности обрели свою повседневность. Откуда каждодневные дорогие букеты цветов? Почему стала такой хозяйкой, какой не сыскать во всей округе? Откуда дорогая парфюмерия и наряды, за какие шиши? Почему преобразилась и так тщательно следит за своей внешностью?

Сами понимаете, всё это он рассказывал мне, как лучшей подруге своей жены. Делился со мной сомнениями и подозрениями по поводу и без повода. В знак протеста отказался спать со своей женой в одной комнате. Перебрался в другую. На ночь дверь закрывает, охает, ахает, стенает, стонет, воеет серым волком.

Тут уж испугалась за собственного мужа и сама Муся: как бы не рехнулся муженёк. Позвала меня, спрашивает, как быть. Отвечаю, что ничем помочь не могу, так как не ведаю причин её существования в новой ипостаси. Вот тогда-то она мне и выложила всё. Оказалось, полгода назад в её адрес пришло письмо от незнакомца. Тот сообщал, что увидев её однажды, случайно, в подземном переходе, вспылал к ней нежной, страстной любовью. Уверял, что восхищён её красотой, а, следовательно, уверен, и всеми необходимыми качествами хорошей хозяйки и преданной, любящей натуры. Сообщал, что уезжает на полгода в командировку на какие-то острова, в заморские края. Но каждый день ей будут приносить, от его имени, цветы, и от случая к случаю – подарки различного характера и содержания. Писал, что «только вас вижу в качестве моей будущей супруги. Приеду, переговорю с вашим мужем. Дам отступного, и заживём в законном браке, душа в душу, в любви и согласии». Но прошло полгода. Таинственный незнакомец так и не появляется. Муж, пребывая в неизвестности, томимый жуткими предчувствиями, мучится, убивается. Муся уже и не рада ни цветам, ни подаркам, ни самому незнакомцу. Говорит мне, что он ей уже до лампочки, переболело, мол, перегорело. Теперь она мужа своего любит, пуще прежнего, за муки, за страдания.

Как-то вечером, отойдя ко сну, муж забыл закрыть за собой на ключ дверь в комнату. Муся, чисто случайно, тронула дверь, та и открылась. И что же она видит? А видит она, что муж её бессовестно дрыхнет за двоих, без задних ног. На тумбочке магнитофон работает и изрыгает из нутра своего охи, вздохи, вскрикивания, стенания и проклятия. Жена так и ахнула. Тут же разбудила мужа и потребовала объяснений. Ну тот и признался.

Оказывается, отчаявшись в попытках убедить жену стать хорошей хозяйкой и привлекательной женщиной, он решил перевоспитать её необычным способом. От имени незнакомого мужчины написал своей жене любовное письмо. Стал присылать цветы и подарки, ну и так далее. Хитрость подействовала. Муся стала любящей женой и прекрасной хозяйкой. Услышав признание мужа, она радостно засмеялась, нежно обняла его и всплакнула от вспыхнувшей к мужу любви. Так и живут они до сих пор в полном согласии, здравии, любви и взаимопонимании.

Один день из жизни рядового пенсионера

*Коль вдруг судьба от вас случайно отвернётся,
Под зад коленкой ей поддай, без сожаления.
Она лицом к вам непременно повернётся,
Дабы узнать, кто сообщил ей ускорение.
(Автор)*

1.

Проснулся, как всегда, перед рассветом. Темно, как в унитазе. Включил ночничок, посмотрелся в зеркало. Боже, что за физиономия! Ну и образина! Впечатление такое, будто её полоскали в застоявшейся воде. Вид алкоголика, пропившего деревню «Большие кучи» вместе со всем её народонаселением. Причёска «а la Брунгильда». «Дорогуша, вы аншантэ!», – сыронизировал я и скорчил такую рожу, что самому себе стало страшно. Полнейший облом! Но не подумайте что плохого обо мне. Я человек тверёзый, ни капли в рот, при этом дядя мой проживает в Чухломе, а тётя в Бердянске.

За спиной в зеркале маячит отражение художественного полотна. На нём – «ню» восьмидесятилетней амазонки кисти Балдамира Амвросьевича Шорох-Орехова. Да вы, наверное, его знаете. Это яркий представитель постмодернистского акцепциатуализма. Полное отсутствие идеи, но много воздуха и перспективы. Он смело положил свой живот на алтарь искусства. К нему я отношусь с большим уважением на большом расстоянии.

Рассвет уже одной ногой наступил на кромку горизонта. Другую занёс над крышами домов. Глянул в окно. Напротив здание дискотеки под названием «Зыбучие пески». Правда, заглавная буква зависла вниз тормашками на нижнем гвоздике.

Отопительный сезон ещё не кончился, но в квартире холодно. Топят из рук вон плохо. Пришлось сложиться сначала вдвое, затем – вчетверо. После чего резко выпрямился, сопровождая всё это теловращением с теловычитанием. Стало несколько теплее.

Умылся, оделся, привёл себя в порядок. Ещё раз посмотрел в окно. Весь съезжился, вскрикнув перепелиным голосом, и колобком выкатился из дверей.

Неторопливо шагаю по пустынным улицам, свершая, как обычно, утренний моцион. Миновал «Обезьяний переулочек». Вышел на «Аллею пенсионеров» с её множеством массивных, чугунных скамеек. В раздумье присел на пятую скамейку слева, лицом на юго-восток. Стал бороться с дремотой.

Из полузабытья меня вывели звуки надрывного стога и плача. Весна! Как бы сказал поэт, природа торжествует. Вот каналы. Это не коты, а просто какие-то крокодилы. Стонут, будто рожать собираются. Тоску только наводят.

Хоть мне не полные семьдесят, но, поверьте, я ещё тот хлюст. Издержки любви моей, раскиданы по всей территории бывшего Советского Союза и далеко за его пределами. В этом деле я активный член. Блюда своё геральдическое древо и свято чту принципы и традиции «бермудского треугольника». В нём, как, вероятно, вы догадываетесь, задействованы три действующих лица: муж, жена, любовница. Жена моя, Евпраксия, старая кочерга, об этом, естественно, осведомлена, но не ревнует. Сначала ревновала, теперь – нет. Она у меня изнывает от блаженства, когда я её называю своей Снегурочкой «в законе». Даже тогда, когда я тороплюсь на свидание со своими поклонницами, жена, как правило, не забывает мне напомнить купить им цветы. О ней мне сказать нечего: у неё всё средних размеров.

На лице моём печать глубокомыслия, хотя мыслишки мои движутся со скоростью архиерея, мчащегося на самокате. Кстати, я гордо несущу почётное звание пенсионера. Высоко держу

знамя пенсионного дела. Смело и настойчиво продвигаю его в массы. Пусть кто-то попробует отнять его у меня. Посмотрим, что из того получится.

Раза два в неделю устраиваю на своей квартире капустники. А что? Клёво! Собираю вокруг себя пенсионеров, этих хрычей старых. Садимся в кружок и ведём умные разговоры на приятные темы. Люди, в большинстве своём, интеллигентные, а посему и беседы всё интеллектуальные. Отсоединяем, как говорится, зёрна от плевел и абстрагируемся, понимаете ли. Темы разные. Всё зависит от общего настроения. Судите сами. Так например, в позапрошлый раз разговорились о брачных обрядах народов Сомали и Занзибара. Слегка коснулись астрономии. Побранили Эйнштейна и Бисмарка с Клаузевицем. Приступили к углублённому изучению дамского вопроса. Затем полились размышления на более общие темы. Так, Алтын Зигзагович Черноклюев пытался убедить аудиторию, что Плутарх и Софокл вместе с Сократом и Лукрецием не идут ни в какое сравнение с Мольером и Бержераком.

В прошлый раз посудачили о Ломброзо, Лопе де Вега и Васко да Гама. Вспомнили печенегов с половцами. Поразмышляли о Геракле с Архимедом. Не прошли мимо воспоминаний о китайской революции с её хунвэйбинами. Обсудили значение греков-пиндосов в общественной жизни, не говоря уж о Спенсере, Бальзаке и Вагнере. Вот тот не полный перечень жизненно важных вопросов.

В перерыве Тенорро эль Бассо исполнил свой знаменитый романс «Когда она захочет вдруг меня, а я не захочу». Вендетто Венециано-Неаполитано спел «Пускай я не был на Босфоре, зато я был в Караганде». Перекинулись двумя-тремя мыслями о возможном применении начал философии к процессу землеобработки. Замечу, правда. Один мой хороший знакомый, музыкант Еремей Чертополох-Шалдыбердиев, начисто отрицает философию как науку по той лишь одной причине, что её представители не умеют играть на тромбоне.

По правде говоря, и я придерживаюсь того мнения, что философия – это наука о чём-то отвлечённом, непонятном как философствующему, так и его слушателям. Люди придумали её для затуманивания мозгов. И прямо скажу: а ну его этого Шопенгауэра.

Темы свои «на завтра», загодя, мы заранее не обговариваем. Всё получается как-то латентно-спонтанно, как-то само собой, как первый, невинный поцелуй. Хотя, если трезво рассуждать, завтрашнего дня без сегодняшнего не бывает.

Сегодня как раз очередной пенсионный консилиум. Будут решаться первоочередные задачи. Какие? Там посмотрим, исходя из обстоятельств. Вероятно посудачим о том, что не плохо бы было учредить 1 апреля международным праздником с взаимным надувательством («дай-ка я тебя надую») до невероятных размеров. Может кто-то пожелает промузыцировать. Пожалуйста! Или же промедицировать с последующим левитированием. Ради бога! Заняться спиритуализмом и вызвать дух Синей Бороды. С нашим вам удовольствием! Точно знаю одно: Клара Грация-Грациози будет, как всегда, раскладывать пасьянс «Каприз де дам» и предсказывать Карлу Дринькшнапсу беспросветную будущность. Тот в свою бытность, во времена правления царя Гороха, украл у неё кораллы. С тех пор Карл ищет свой кларнет и никак не может его отыскать. Безобразие...

Что-то уж я слишком разоткровенничался наедине с самим собой. Время-то как летит, словно очумелое. О рассвете остались одни воспоминания. Все куда-то торопятся. Шум города заполонил улицы. Весеннее небо, полчаса назад дарившее мне свою поэтическую голубизну, теперь заговорило прозой морозящего дождя. Пора домой.

2.

Евпраксия моя, сладкая деликатность, эта звёздочка из созвездия Скорпиона, всё ещё мается в постели, нежится. Она придерживается того мнения, что когда муж и жена ложатся в одну постель, то возникает момент истины. Глубокая мысль! Ах уж мне эти жёны, рандеву-провансаль.

Снял с гвоздя походную медную трубу, дунул три раза. С потолка посыпалась штукатурка. Жена вскочила как угорелая, хотя её об этом никто и не просил. Понеслась на кухню в одеянии Евы – бестыдница, – готовить завтрак. Пока она суетилась и готовила блюда «А ля минут» и «Айн момент», проследовал к себе в кабинет. Из выдвижного ящика венецианского стола, выполненного из красного дерева, достал неоконченную рукопись трактата о Марко Поло и Миклухо-Маклае. Поудобнее устроился в мягком кресле, изготовленном из чёрного дерева мастерами Лувра, эпохи правления короля Людовика четырнадцатого. Сосредоточился, расслабился. Вырубился. Ровно через две минуты с четвертью вновь врубился, от собственного храпа. Рукопись на полу. Нашупал под рукой слюнявчик. Утёрся.

– Семиры-ылов! – протяжно донеслось из кухни. Это моя каракатица призывает меня к завтраку.

По его завершении в моём животе что-то булькнуло несколько раз, как в сливном, туалетном бачке. Внимательно прислушался, в принципе оставшись довольным своим пищеварением. Икнул, воспроизвёл благородную отрыжку, сделал жене несколько замечаний по поводу её внешнего вида. Ещё раз икнул. Отправился в свой рабочий кабинет для просмотра вчерашней корреспонденции.

Первой под руку попала газета «Стой! Кто идёт?» военного издательства «Здоровья желаю!» Сообщалось об успешном завершении расследования чрезвычайного происшествия, связанного с взрывом на артскладе. От него осталось пустое место с глубокой воронкой посередине, величиной с футбольное поле. К счастью «стрелочников» не оказалось. Виной всему было прямое попадание в одно из помещений артсклада тела небесного происхождения, а именно – метеорита. Ведь надо же какая точность по принципу – с каланчи спрыгни, а в сапоги попади. Дело закрыли. По этому случаю в гарнизонном доме офицеров состоялся бал-маскерад. Полковой оркестр играл мазурку, польку и кадрили. Дамы приглашали кавалеров.

Весьма интересной, как по смыслу, так и по содержанию, оказалась статья под заголовком «Записки отставного прапорщика Штык-Прикладова». В ней, в частности, указывалось, что «чтобы уберечься от шальной пули, надобно укрыться в неглубокой ложбинке, пригнуться и прикрыть голову обеими руками». Правда, в пост-скриптуме статьи отмечалось, что автор «Записок» в русско-...нскую компанию был трижды контужен. Теперь, чуть что, хватается за противотанковую гранату. Паду-у ли я дрючком пропёрты-ый...

Несколько ниже сообщалось, что замкомпоморде – заместитель командира по морскому делу, – капитан-лейтенант Кнехт-Швартов известил общественность о том, будто в бухте «Спокойная» перевернулся и затонул флагманский корабль «Устойчивый». Что ж, и такое бывает.

В газете «С мира по нитке!» величайшего ума человек счетовод-любитель Левиофан Прости-Подвинься утверждал, что отпусkanie цен равносильно отпусканию воздушного шарика. Тот, поднявшись до определённого природой уровня, вдруг лопаётся и хаотично падает вниз. Поэтому он советовал поставить экономику на новые рельсы. Однако, его оппонент Дормидонт Перевоплощенцев задавался вопросом: «А где те рельсы? Их давно уже растащили и реализовали на складе металлолома хорошие люди». Тогда последовал совет поставить экономику под паруса. Оппонент и здесь засомневался, спросив, а где тот ветер, где волны? Так что в данном случае каждое слово подлежало возведению в степень вопроса.

Жена принесла на небольшом изящном подносе берберской работы прекрасную фарфоровую – с японской росписью, – чашечку ароматного, дымящегося ямайского кофе. В блаженном умиротворении откинувшись на спинку кресла, с удовольствием закурил дорогую гаванскую сигару.

Достаю из нижнего ящика письменного стола ещё одну рукопись. Это – роман «Когда плачут крокодилы» с лихо закрученным сюжетом и любовной интригой в условиях сельской местности в период уборки озимых жителями села Поганкино. В итоге предохранитель любви

сгорел ярким пламенем, так как пришлось закоротить отношения героев романа, поставив между ними толстую перемычку.

Папарацы устроили охоту за мной в надежде ухватиться за красную нить, пронизывающую весь роман. Ну что ж, так тому и быть: придётся подарить им несколько строчек из моего шедевра.

Хотя, если по правде сказать, при своём бытии скромный талант, а может даже и гений, сознательно замалчиваются, игнорируются, оттесняются на задний план, остаются вне понимания своими же современниками. И лишь много лет спустя, когда его и в живых-то уже нет, о нём вдруг начинают вспоминать. В лучах его славы начинают купаться всякого рода проходимцы и бездарности. Разумеется, всё то, что касается меня, то я – редкое исключение из правил.

Отдых отдыхом, созерцание созерцанием, однако, потехе час, а делу – время. Пора приступать к работе. Извлекаю из второго снизу ящика письменного стола несколько листов отличной, экологически чистой писчей бумаги формата А4. Обзавожусь ручкой «Паркер» с вечным пером из золота 999 пробы и несмываемыми чернилами от мадам Брехунец-Каверкотовой. Удобнее размещаюсь в кресле и, как бы ненароком, нехотя, нажимаю на кнопку, вмонтированную в подлокотник кресла. Динамические головки квадрофонической, акустической системы, подвешенные под потолок, окатывают меня с головы до ног звуками «Траурно-триумфальной симфонии» Гектора Луи Берлиоза.

Несколько предвзята дальнейший ход повествования, смею заметить следующее. Мной обкатывается специальная методика разработки сюжетов художественных произведений. Всё зависит от внутреннего настроя и экспансии тех или иных душевных переживаний в духовную келью интеллектуальной сублимации, которая превалирует в данный момент над сознанием, совершая его интервенцию в подсознание.

Дорогой читатель! Вы наверное уже успели заметить, что моему слогу присуща гениальная простота. Что ваш покорный слуга, то бишь – я, старается изложить свои мысли доступным, доходчивым языком, понятным даже ребёнку. А простота в изложении – сестра таланта, – присуща только настоящим мастерам пера, к которым я не склонен себя причислять, но всё же. Кстати, мне всё время ставят в упрек, что я везде и всюду пытаюсь скрыть своё величие, как писатель, хотя у меня это и не получается. Оно из меня так и прёт, так и прёт. В подобное, разумеется, поверить трудно, но это так. Это невозможно передать словами, только мимикой. И если я вам говорю неправду, можете послать меня в космос.

Так о чём же мы с вами тут балакали-гутарили, а? Дайте-ка вспомню... Что-то насчёт кельи? Желаете, чтобы вам поклонились с порога? Сделайте своды двери намного ниже роста входящего... Нет, я что-то не то говорю. Ага, что-то насчёт сюжета. Так вот. Сочиняю я его, как правило, находясь в состоянии поверхностного сна, сопровождаемого звучанием какого-либо музыкального произведения. Всё дело в том, что мой организм наделён весьма оригинальным свойством затормаживать свою жизнедеятельность под влиянием музыки. Иными словами. Как только раздаётся её звучание, я засыпаю чутким, поверхностным сном. В зависимости от смысла и содержания музыкального произведения в моём, частично дремлющем воображении возникает целая вереница образов и действующих лиц с причудливым переплетением их взаимоотношений и судеб. Мысли мои ежеминутно всё глубже и глубже погружаются в пучину философских раздумий и переживаний.

Всё начинается с того, что, включив музыку и подперев голову пальцами левой руки, я делаю умный вид и большие глаза. Потом веки мои постепенно смыкаются. Если у меня с утра хорошее настроение, то мне непременно хочется сварганить этакий легковесный, шаловливый сюжетец с порханием, в дозволенных пределах и рамках, действующих лиц. В таком случае музыка должна носить весёленький, я бы даже сказал – несколько вульгарный характер. Это что-то из «Парижской жизни» и «Прекрасной Елены» Оффенбаха или «Летучей мыши»

с «Цыганским бароном» Иоганна Штрауса. Не обходится и без «Фиалок Монмартра» Имре Кальмана.

Если же необходима тема полновесная, с драматической развязкой, то тут уже в ход вступает тяжёлая артиллерия. Это – Вагнер с его «Лоэнгрином», или Бах с органной мессой «си минор». Не говорю уже о Джузеппе Верди, Сибелиусе и Шарле Гуно с его одноименной оперой «Фауст».

Вот тот довольно не полный перечень музыкальных произведений в деле создания высокохудожественных литературных произведений.

Одновременно с мельканием того или иного сюжета правая рука моя, сжимающая «Паркер», бессознательно, спонтанно вычерчивает на листе формата А4 полный текст произведения. Жена только успевает подсовывать мне листы чистой бумаги. Так что когда я выхожу из транса, оно уже готово во всей своей красе и привлекательности. И не одной ошибки, ни грамматической, ни орфографической. Это уже что-то, я вам скажу.

Случается и такое, что иной раз просидишь вот таким вот образом, в подобном состоянии, с утра до вечера, без обеда и ужина. Жене остаётся только перенести тебя в постель и уложить спать. Искусство требует жертв.

Так вот, сегодня мой слух услаждается звуками «Траурно-триумфальной симфонии» Берлиоза. Хочу написать в «Женский журнал» обширную статью о бракоразводных процессах в эпоху пещерного периода. Это не только «дубинкой по башке», как думают некоторые, но и душевные переживания с отягчающими обстоятельствами. Всё, отключаюсь и начинаю ощущать локализацию мыслей в нижней, периферийной области туловища.

3.

Из состояния отрешённого равновесия вывожусь протяжным воем сирены. Встрепенулся, огляделся, сосредоточился. Ещё светло. На столе готовая рукопись, уложена в аккуратную стопку. Бегло просматриваю, остался доволен.

В ожидании визита гостей, как говорится, занавески, шторы, гардины раздвинуты, с картин снята кисея.

Звонок в дверь. А вот и первые ласточки: бабушки-старушки Софья Никитична с Марь Пальной. Бодрые такие, молодые пенсионерки с десятилетним стажем.

– Вы как всегда великолепны и восхитительны, – слукавил я, – словно две наяды, похожие друг на друга, как три капли воды.

Единственное, чем они были схожи, так это возрастом и ростом. Лица посетительниц зарделись от удовольствия. Глаза, в которых застыл знак вопроса, ярко вспыхнули шаловливыми искорками. Препроводив посетительниц в глубину гостиной, поспешил на новый звонок. Пришла Леночка Восьмиглазова, блондинистая брунэтка с отталкивающей красотой.

– Ах! Ужель это вы? – воскликнул я, зажмурив глаза и прикрыв их тыльной стороной ладони. – Или я сплю, или это оптический обман.

– Да ладно уж вам, – застеснялась пришелица, одним глазом посмотрев на меня, другим – на восток. – Вы мне льстите, проказник! И прекратите гусариться!

– Нет, нет сударыня! Вы ослепительны в своём блеске! На вас надо смотреть сквозь закопчённое стекло.

– О мой карамболь! Мерси за комплиман!

Явились супруги Сысой Диомидович и Мумия Иродиадовна Бубликовы. Она шествует обычно на полсади, а он важной походкой, как у гусака, идёт такой гордый, что гордее и не надо. На лице ноль мимики, говорит одними губами. Взгляд его столь красноречив, что хочется крикнуть: «Враг моего врага – мой друг!» Когда-то он хорошо сидел, но, падая, не успел расправить крылья. Однако даже в своём падении он был велик, как Гай Юлий Цезарь. Это бывший «мелиоратор» – оратор, без устали мелящий языком налево и направо. Мне даже

пришлось взять на вооружение небольшую толику заповедей этого мудрейшего из мудрейших. Например таких, как «бди, бдя», «тяготей, не тяготей», «сомневаясь, не сомневайся», «жажди, но не алчи», «воскрываясь, не возгордись», «не лиходействуй, ибо ответ держать придётся», «взвывая, не вызывай», «блюди, блюди соблюдая», «взымая, оглянись по сторонам», и так далее.

В скором времени явилась Клара с Карлом. Слава Богу. Наконец-то отыскались её кораллы, которые она когда-то у самой же себя и украла, дабы был повод украсть у Карла кларнет.

Со своей арфой притащилась Фисгармония Эсперанса Феличита. Приплелись Розарио Гомосапиенс с Александропулосом Внемлигласовым и Конфуцием Шельмопрохвостовым.

– Бона-сэра, сеньоры! – с порога приветствовал Розарио. – Мимолетто-карболетто!

– А телевидение будет? – тут же вопрошает по заведённому обычаю Александропулос.

– Будет! – отвечаю.

– Тогда мы идём к вам! – заключает Конфуций.

На огонёк заглянули и Черноклюев Алтын Зигзагович с Тенорро эль Бассо. Вот, пожалуй, и вся честная компания хрычеобразной интеллигенции собралась. Каждый сел, где стоял. Демократия! Своды комнаты тихо гудели, как не потревоженный улей. Воздух в помещении был спирально закручен. Окна пришлось распахнуть настежь.

Обычно я располагаюсь в центре публикума, в кресле-вертушке, и кручусь как бяка в проруби. По этому поводу некоторые злопыхатели не прочь и позубоскалить, и позлословить.

Черноклюев Алтын Зигзагович тайно влюблён в Леночку Восьмиглазову. Все об этом знают. Умостившись в углу, он рисует пастелью на небольшом фанерном листе её портрет. Она делает вид, что не замечает этого, поэтому вся фигура её в этот момент выражает борьбу и решимость. При этом она, незаметно для всех, открыла беглый огонь глазами в сторону Розарио. Тот посмотрел на неё, как кот на сметану, хрюкнул от удовольствия, и облизнулся.

Подобные инсинуации Сысой Диомидович Бубликов не приветствует: пенсионеры, а такое отчебучивают. Нехорошо! Как бывший партийный чиновник среднего звена, держит себя со всеми подчёркнуто вежливо, но не подпускает к себе ближе, чем на расстояние вытянутой руки. А если кто-то и начинает фамильярничать, по его мнению, того он резко осаживает, бросая ему в лицо: «Я вам ни брат, ни сват, и даже ни тёща!» Это – как бы мягче выразиться, – чуркоподобный индивидуум. Всея его конституции присущи строгие прямолинейные формы как по вертикали, так и по горизонтали. Некоторые недоброжелатели злословят в его адрес. Мол, рос, рос по служебной линии и, смотрите, пожалуйста! Какой из маленького винтика большой болт получился. Он всегда всем недоволен, от чего получает большое удовольствие.

Заглянула на секундочку соседка по лестничной площадке – пожилая девушка с иерусалимским лицом, – Дульсинея Тамбовская, да так и осталась. В обществе она ищет успокоения души. Её сто первый гражданский супруг Морфей Беспробудный, воскликнув: «Жди меня и я вернусь!», навсегда исчез из поля зрения в неизвестном направлении, прихватив с собой всё столовое серебро и золотые украшения. На подобные действия Дульсинея отвечала словами: «Нас мало, но мы в тельняшках!» и тут же с треском рванула на своей груди расписную, цветастую блузку.

– Какова, а? – негромко вымолвил про себя Карл. – Ну, просто симпатин!

– Вертихлюндия! Ни кожи ни рожи, ни передней заслонки, ни задней воронки! – возмутилась Клара, от чуткого слуха которой ничто не могло ускользнуть. В глазах её сверкнули искорки ревности. – Ты что, знаком с ней?

– Нет! Она знакома со мной!

Софья Никитична с Марь Пальной сидели рядышком и тихо о чём-то перешёптывались. Они искоса поглядывали на Мумию Иродиадовну, сдувавшую со своего Сысоа пылинки и восклицавшую по всякому поводу: «Ах ты мой командантэ!». Он в ответ: «Ах ты моя критическая масса!». При своей суковатой фигуре – это женщина с большим апломбом и немалыми

запросами. Она безобразна в своём великолепии. Разговаривать с ней тяжело. О чём-то спорить и что-то доказывать бесполезно. Это всё равно, что устраивать на Северном полюсе, под пальмами, чемпионат мира по гольфу, или арканить убегающего медведя. Последним её доводом в свою пользу в подобных случаях являются такие, например, выражения, как: «Поцелуй меня туда, сама не знаю куда!», «Я вас угадала, хрен б/у!», и так далее.

– Кто бы что бы там не говорил, а я утверждаю, что яйца в хрене и хрен в яйцах две совершенно разные вещи, – пояснял Александропулос Внемлигласов своей собеседнице Дульсинее Тамбовской, – и путать эти два совершенно разных понятия не следует, особенно интеллигентному человеку.

– А я не знаю боле изысканной кухни, чем французская, – поспешила вмешаться в разговор Мумия, жена Сыся.

– Да бросьте вы, – не дала договорить ей арфистка городской филармонии Фисгармония Эсперанса Феличита. – Знаю я этих французов. У них день и ночь в животе устрицы пищат и лягушки квакают.

– Да уж! – выдал на-гора Конфуций Шельмопрохвостов. – Ну вы и даёте!

Конфуций является специалистом по совмещению трудносовместимого. Изобретения его носят пионерский, крайне новаторский характер. Так, например, ему удалось совместить стиральную машину с холодильником. Пылесос со швейной машинкой, не говоря уже о недавно состоявшемся совмещении утюга с электрочайником и электробритвы с электромясорубкой. Это яркая личность, своего рода – Сандро Боттичелли в технике. На выставках своих изобретений он пользуется огромным успехом, особенно у женщин. Показ своих новинок он сопровождает игрой на смычковом инструменте. Когда он берёт в руки скрипку, она рыдает. Когда он откладывает её в сторону, она смеётся от счастья и радости.

Этот человек умеет увлечь, заинтриговать обилием, глобальностью и значимостью проблем, связанных с пока ещё неразгаданными тайнами природы.

– Уважаемый Тенорро эль Бассо! – в унисон прозвучали надрывные голоса неувядающих Марь Палны и Софьи Никитичны. – Спойте нам что-нибудь этакое из вашего репертуара.

– С удовольствием! Что же вам спеть?

– Спойте нам, пожалуйста, уважаемый, «Забудем всё, что между нами было».

Моя Евпраксия мелко засемила к роялю. Фисгармония Эсперанса Феличита заняла место за арфой. Карл расчехлил свой кларнет. Я – Семирылов Мундиаль Амбасадорович взял в руки мандолину, а Леночка Восьмиглазова разместила между ног дедовскую виолончель.

Пока шла настройка инструмента, пока музыканты приигрывались и притирались друг к другу, Сысой Диомидович сидел неподвижно, самодовольно сложив на выпуклостях живота руки. Мумия Иродиадовна бегала вокруг как курица и сдувала пыль со своего командантэ.

Розарио Гомосапиенс, которому слон на ухо наступил, вплотную пододвинулся к Кларе и сообщил ей на ухо:

– Публикум не любит этого. Он любит зрелищ!..

Тенорро эль Бассо произвёл предварительную распевку с одновременным совершенствованием мимики лица, что присуще одним только оперным певцам, солидно кашлянул, и приступил к вокалу. Пел он душевно и проникновенно, иной раз срываясь на сценический крик, будто у него начинались схватки.

Музыкальное сопровождение было прекрасным. Играли вдохновенно и целеустремлённо. Когда приступили к исполнению романса «Мой друг, я не зову, не плачу», на моей мандолине оборвались две струны. Но от этого игра ни чуть не стала хуже. Она стала даже ещё лучше, я бы даже сказал – виртуозней и привлекательней. А когда все хором затянули песенку «Не ходите девки в лес», на моём инструменте оборвались две оставшиеся струны. И что бы вы думали? Я не растерялся и превратил мандолину в ударный инструмент, отбарабанивая на его корпусе чрезвычайно сложный ритм исполняемого музыкального произведения. Все присут-

ствующие с благодарностью обратили свои взоры в мою сторону, хотя я подобной чести, как мне думается, не заслужил.

4.

Пока мы музицировали, в моей голове возник и созрел сюжет нового, производственного романа. При этом я решил сразу, как говорится, взять быка за рога. А именно, с первых же строчек начать роман с диалога между особями мужского и женского пола словами:

- Мань, а Мань?
- Ну чё те?
- Пошли в кусты!
- А шо я там не видала?
- Ну пошли. Соловья послушаем.
- Да здесь соловьи отродясь не водились.
- Всё равно, пошли...

Вдоволь напевшись, пропустили по сто. Кто пожелал, закусили. Малость поялдонились. Кто-то «спел Лазаря». Кто-то провозгласил: «Давайте-ка, друзья, разомнёмся и отчебучим что-нибудь этакое под звуки, источаемые проигрывателем». Как вы, наверное, успели заметить, уважаемый читатель, и просвещённым умам ничто человеческое не чуждо. Сказано, сделано. Спарились и воспарили в танце. Особенно буйствовал и витийствовал Розарио Гомосапиенс. Во время танца он был похож на дёргающуюся марионетку, с серьёзным видом работая ногами и перекручиваясь всем телом. Дульсинея Тамбовская, его партнёрша, превзошла своего визави раза в полтора, не менее.

Отплясали и в изнеможении повалились кто куда. Общее расслабление. От скуки и затянувшейся паузы все стали зевать. Во время очередного зевка Розарио вывихнул себе челюсть. Ловким ударом с левой пришлось поставить её на своё законное место. Малый что надо. Великий бабник. Если он – «гоп-стоп» по женской части, то я – «боевой петух» в том же направлении и с тем же уклоном, и в этом мы с ним Орест и Пилад...

Звонок в дверь. На лицах гостей растерянность и недоумение. Вроде бы капуста полностью укомплектован. Открыл дверь. На пороге делегация представителей знойной Африки.

- Проходите, товарищи негры! – проблеял я с испугу.

Однако в скором времени выяснилось, что они ошиблись номером дома. Извинились и ретировались.

Не успели толком отдышаться, явился сосед Диодор Очумелый, величайший скандалист, живущий этажом ниже. Это чрезвычайно конфликтный субъект. Любую мелочную проблему он готов раздуть до размеров Вселенной. Из-за мелочности жизненных обстоятельств пролил не одно ведро слёз. Душа его покрыта копотью, а пороки торчат во все стороны. Он ходит в церковь, но это не мешает ему быть плохим человеком.

Диодор – бывший корреспондент районной, жёлто-бульварной газеты «Кто даст больше». Как правило, почти всегда писал хорошее о плохом и плохое о хорошем. Любил рыться в «грязном белье» и искать компромиссы... в свою пользу. В своей деятельности, как надо понимать, он встал за чужой алтарь. Какая нравственная убогость! Выйдя на пенсию, устроился на работу в Департамент сапожных дел.

- Почему нарушаете? – прокурорским голосом озвучил он свою претензию.

- Что нарушаем?

– Не прикидывайтесь дурачком. Что это вы здесь за оргии устраиваете, хорошим людям жить спокойно не даёте, а? Я жаловаться буду. Я найду на вас управу. Учтите! На всякое незаконное действие есть законное противодействие.

– Мне приходилось знать одного такого, босого, с шашкой на боку. Отчаянная была голова, – удачно пошутил я и посоветовал ему принять таблетки «Скрупулёзо» и «Партикколо» с интервалом в пять минут.

В ответ Диодор с тоской посмотрел сначала на север, затем – на юг и попытался съязвить, сказав, что мы – вороны, которые любят летать стаей, а он, мол, орёл, гордо парящий в одиночестве. Пришлось поставить ему бланш под глаз и с невероятным шумом выдворить за дверь.

– Ах ты тушёнка, мухомор поганый! – в несправедном гневе каркнул он. – А ну, убери свои щупальца!

И это он кому, мне? Смычок облезлый! Ишь, расчирикался. Не задумываясь, со словами: «Юпитер, ты сердишься, стало быть ты не прав!», влил в его невзрачную физиономию ещё один бланш. Теперь уже под другой глаз, чтобы не пескарился. Теперь левой половиной он стал похож на маму, а правой – на своего папу.

Втолковывать ему что-либо простыми, человеческими словами очень трудно. Легче тащить рояль по песку. Судить о том, насколько это привередливый и злобный чувак, можно даже по одному единственному факту. Проживая на первом этаже, постоянно жалуется на громкую игру скрипача, проживающего на одиннадцатом этаже дома, расположенного через квартал. Каково, а? Хотя и у меня слух, скажу я вам... По слуху я выучил язык племени «тото-тото» народности «нука-нака», и других ей подобных.

– Господа! Займите кто сколько может! – огласил своё потаённое желание Александропулос Внемлигласов. В своё время он много философствовал, но мало зарабатывал, соответственно и пенсия его ниже возможного. – Ну что вам стоит? Расплачусь, как получу гонорар за свой манускрипт «О значении начал философии в неандертальский период».

– Но он у вас ещё в проекте.

– Завтра же приступаю.

– Ну сколько же можно? – зазвучали ото всюду возмущённые голоса. – Покажите нам человека, которому вы, хотя бы, трижды не должны.

– Клянусь, отдам! Ну дайте же!

– Милостивый сударь! Могу предложить тень от денег, – кощунственно вымолвил Тенорро эль Бассо, у которого в желудке переваривались все крупные купюры, в то время как у испрашивающего звенела одна мелочь.

– В таком случае и вас прошу не наступать на мою тень и не причинять мне боли, – огрызнулся Внемлигласов.

Скрываясь от кредиторов и долгов, он превращается в «снежного человека», то есть в неуловимого. Правда, ради справедливости следует отметить, что, как правило, занимает он у многих, но помалу. Поэтому в конце-то концов все долги ему прощаются и списываются. Подобный факт Александропулос принимает как должное. Людям свойственно не признавать вслух своих ошибок, даже если где-то там, внутри, они и согласны с тем, что они не правы. Такова логика жизни.

Александропулос – это интеллигент из рабоче-крестьянской среды. На старости лет его взрастила чреда «народных» революций конца двадцатого начала двадцать первого века. Чреда этих временных, всенародных умопомрачений, подаривших стране целую плеяду отчаянных «революционёров» с их предосудительными речами, делами и поступками. Это прыткие и ретивые, норовистые и нахрапистые «ребята» с немалыми апломбом и запросами, но без большого ума. Он у них на ниточке болтается. Они мастаки на лету подхватывать чужие лозунги и изречения и выдавать их за свои. Хоть их слова и дела порочны в корне, я их крепко уважаю за то, что они откровенны в своей глупости и, главное, не скрывают этого. Неприкрытый, откровенный тупизм.

Луна источала. Ночное небо так и звездило. Со стороны реки дул лёгкий, прохладный веяло.

Скинулись с мира по нитке. Александропулосу вышла приличная рубашка. Лично он остался доволен и обиды ни на кого уже не держал.

– Теперь я хотел бы нарисовать ваш портрет, мадам, – обратился Алтын Зигзагович Черноклюев к Дульсинее Тамбовской.

– Ну что ж, валяйте! Только учтите: это вам будет дорого стоить, – ответила та и вскинула ножку, оголив давно не мытые коленки.

– Надо же, довели человека до ручки, – завозмущался Алтын, не отрываясь от написания портрета Дульсины. – Ходит на старости лет, побирается. Это всё ваши проделки и происки ваших коллег, уважаемый Сысой Диомидович.

– Причём здесь я?

– А при том, что доруководились со своими Горбачёвыми, Лигачёвыми, да Ельциными. Мисаи-ил! Его-ор! Бори-иска! Где вы? Ау-у! Нету их! – паясничал Черноклюев, находя в том огромное удовольствие.

– Доруководились, – повторился Сысой. – Это ещё как сказать. Да поймите же вы. Человек нашего общества уж так устроен, что его действия надобно постоянно контролировать, как ребёнка с непредсказуемым поведением.

– Ну вот и доконтролировались, – подал свой голос Карл, размахивая кларнетом. – Где был тот контролёр – КПСС, доведший народ до нищеты, а, следовательно, и скомпромитировавший себя в глазах мировой общественности? Где, я спрашиваю? Да и жили и работали вы и вам подобные по принципу «Я имею право?». «Разумеется!». «Значит я могу!». «Ни в коем случае!», или же «правду говорить можно, но лишь дозировано и где-то что-то не договаривать».

Партия должна была найти в себе силы уйти с политической арены, хотя бы на время, оглянуться, прицениться, сделать какие-то выводы. Ан нет! Мы, видите ли, всегда правы и кто вы такие, чтобы нам указывать. А ну, к ногтю! В общем, исправлять свои ошибки партия и не собиралась, считая это ниже своего достоинства. Упорно продолжая считать себя авангардом, она предлагала народу достижение той же цели – построение коммунизма, – к которой она стремилась все семьдесят четыре года, но только другим путём. А это уже пахло авантюрой.

– И снизошло на землю всеобщее благоденствие, – на манер сценического актёра стал декламировать Конфуций Шельмопрохвостов. – И каждый воспылал любовью к ближнему. И каждому воздалось по заслугам: каждый получил по потребностям, несмотря на способности.

– А это всё оттого, что кого только не принимали в партию, – вдруг выдала на-гора моя выдра, продолжая мысль Карла. Я был приятно удивлён. – Всяких охламонов, авантюристов и приспособленцев, которые только и знали что хапен зи шмиргельд, а рабочий и крестьянин были только удобным прикрытием, ширмой для неприглядных дел.

На правах мужа, чтобы не показаться человеком, шагающим не в ногу с настоящим временем, решил продолжить мысль моей каракатицы.

– В какой-то степени она права, господа, хотя я и не со всем и не во всём с ней согласен. Так вот, – продолжал я свою мысль. – В те времена Горбачёв оказался в двояком положении. С одной стороны. Уйти с поста генсека ему помешали идейные убеждения и неприкрытые проклятия своих же однопартийцев. С другой стороны. Уйти с поста президента, значило – оттиснение его как партийного деятеля на задний план. Это в лучшем случае. В худшем – он мог лишиться партбилета, так как КПСС не простило бы ему перестройки. Он был необходим ей в качестве президента, чтобы проводить через него в жизнь свою политику. В противном случае нужда в нём, для партии, отпала бы.

– Ведь до чего дело-то дошло, – впендрившись в разговор, помчалась на словесном геликоптере Софья Никитична. – Даже в такой, казалось бы, мелочи, как внешний вид. Руководящую партноменклатуру, вплоть до районного масштаба, можно было определить визуально,

с первого взгляда. При Сталине она одевалась в форменную одежду полувоенного образца. При Хрущёве – широкополая шляпа, длинное коверкотовое пальто. При Брежневеве – кожаное пальто, короткополая шляпа. При Горбачёве, как и при Хрущёве. И всё это делалось с целью подчеркнуть, даже внешне, свою принадлежность к партократии, высшей прослойке, элите общества. То же самое с поведением и речами, будто обращаясь к народам мира, они хотели сказать: «Народы! Вы как ими были, так и остались!»

Кто-то хихикнул. Кто-то крикнул. Марь Пална, соратница и верный товарищ распинавшейся Софьи Никитичны, строго посмотрела на свою подругу, выпятив губы, насупив брови и скосив глаза к греческому носу. Глядя на неё, у меня почему-то в это время, ни к селу ни к городу, началась спонтанная рифмовка слов наподобие: грека-чебурека, солитёр-филистёр, клерикал-в морду дал. Просто какое-то наваждение!

И тут в моём мозгу созрела ещё одна тема для очередного, будущего романа. Его главными героями должны были стать молодая работница пищеблока Филоксера Гладко-Шероховатая и рядовой пожарного депо Аптилькарый Громовержцев-Огнедышащий. Из Америки на стажировку приезжает пожарник Джек Пот. Он влюбляется в Филоксеру, которая, несмотря на разного рода интрижки со стороны нехорошего американца, любит одного лишь – своего Аптилькарыйя. Лишь одного не может она ему простить: это был такой человек, что водку всегда запивал коньяком, а это уж слишком.

Избрав чисто женскую тактику по отношению к своему возлюбленному, Филоксера с менторским изяществом стала подбрасывать в камин его души хворост ревности. При этом она как бы равнодушно созерцала со стороны, как корчась в муках, Аптилькарый безропотно сгорал синим пламенем на медленном огне любви. В порыве ревности он утешивает оглоблей как Джека, так и Филоксеру, со словами: «Судьбоносная ты моя, лучезарная!» и сводит счёты со своей жизнью методом наложения на себя рук...

5.

Из состояния творческого равновесия меня вывел голос Розарио Гомосапиенса. Видимо, пока я творчески мыслил, темы быстро сменяли одна другую...

– И вот иду я, значит. Народу – тьма тьмушая. Все тусуются, пиарятся, плакаты там разные на себя повешивали. У одного повязка белая на голове с надписью: «Протестую!!!» Против чего, спрашиваю, протестуем, мил человек? Да так, говорит, хочу и протестую. Но всё таки, против чего, не отстаю. Ну чего прилепился, возмущается, как банный лист к яйцам? Против таких, как ты, любопытных. Грозится, давай, говорит, проваливай отселя по добру поздорову.

Продолжаю движение дальше. На боку, сами понимаете, «парабеллум» в деревянной кобуре, на кожаном ремне. Лицу стараюсь придать зверско-убийственное выражение, чтобы все боялись, вид первопроходца. Вдруг, откуда не возьмись, малец-удалец. Дяденька, обращается ко мне, дай левольвер. Зачем тебе, удивляюсь? Да так, постлелать немного, отвечает. Дал. Он выстрелил и попал в кобылу, на которой восседал страж правопорядка – ментозавр. Что тут делать: кобыле кампец, а мне, сами понимаете – пипец.

– Вот так винегрет с антрекотом! – отреагировала на повествование чересчур уж эмоциональная Дульсиная Тамбовская. – Вот так кокиль-мокиль! Просто вернисаж.

– А молодёжь какая нынче пошла?! – заметила Клара Грация-Грациози и неодобрительно покачала головой. В глазах её застыли вопрос и удивление.

– Да-а! – В рядах бывалых пенсионеров почувствовалось некоторое оживление, так как была затронута важная тема воспитания, тема «отцов и детей».

– Новые времена, новые интеллектуальные веяния, взрастившие молодые поколения с современными запросами, нравами...

– Каковы запросы, таковы и нравы.

– Пра-альна! Так их! И в хвост и в гриву! Ишь какие!

– Да что там говорить. Никакой самодисциплины. Халатность, расхлябанность, разгильдяйство, безответственность, и я бы даже сказал, в какой-то степени – разнузданность.

– Ещё скажите, мол, неуважение к старшим, – с нескрываемой иронией в голосе заметил я, как всегда вставая на сторону молодёжи.

– Да, и не почитание старшего поколения, – в один голос заявили Софья Никитична с Марь Пальной.

– Я в корне согласна с вами, уважаемые, – горячо воскликнула шестидесятисемилетняя Леночка Восьмиглазова. – Никакого уважения, чёрт бы их подрал!

– Кого мы взращиваем, кого лелеем? – в отчаянии схватился за голову Сысой Диомидович Бубликов, раскачиваясь в своём кресле из стороны в сторону, словно маятник.

– Чья бы мычала, ваша б молчала! – ополчился на Сысою Конфуций Шельмопрохвостов. – Ну чесн... сло..! Одна «политическая контузия»! Вы и вам подобные – не кто иные, как «буридановы ослы», рабы власти и денег, которые были вашей пищей. Но вы не знали как ими воспользоваться, и потому бесславно почил на одре забвения. А вы тут за голову хватаетесь, корчите из себя одну справедливость, честнейший вы наш из честнейших. Не выйдет, но пасаран! Воспитатель, тоже мне, нашёлся.

– Да при чём тут молодёжь? – вслух задался вопросом Карл Дринькшнапс. – Винить надо только самих себя.

– Пра-альна! – поддержал Розарио Гомосапиенс. – Мы сами растим и содержим её в тепличных условиях, в роскоши и излишествах, а это, поверьте мне, ведёт к растлению нравов.

– Ах, как прав Розарио, как прав! – заключила Дульсинея Тамбовская, растроганно приставляя к глазам кружевной платочек, источавший тонкий аромат духов «Мадам Клико – бывшая мадмуазель».

– Ничего не «прав»! – возмутилась Мумия Иродиадовна, жена Сысоя. – Современную молодёжь необходимо держать в «ежовых рукавицах», сечь розгами и повторять: «Слушайся старших! Слушайся старших!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.